

Коронация, или Последний из романов

Автор:

[Борис Акунин](#)

Коронация, или Последний из романов

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина #8

Действие этого романа происходит в 1896 году, накануне коронации императора Николая II. Похищен Михаил, четырёхлетний сын великого князя Георгия Александровича. Похититель, называющий себя «доктор Линд», требует бриллиант «граф Орлов», которым украшен императорский скипетр, в обмен на принца. Если сделка не состоится, ребёнок будет возвращён родителям по частям. Но без скипетра не может состояться коронация. Эраст Петрович Фандорин берётся спасти честь монархии. Повествование ведётся в виде дневника от имени Афанасия Зюкина, дворецкого великого князя Георгия Александровича. Книга воссоздаёт трагическую атмосферу России конца XIX века и описывает Ходынскую катастрофу.

Борис Акунин

Коронация, или Последний из романов

20 мая

Он погиб на моих глазах, этот странный и неприятный господин.

Всё произошло быстро, так быстро.

Одновременно с грохотом выстрелов его отшвырнуло к канату.

Он уронил свой маленький револьвер, схватился за зыбкие перила и застыл на месте, откинув назад голову. Мелькнуло белое лицо, перечеркнутое полоской усов, и исчезло, завешенное черным крепом.

- Эраст Петрович! - крикнул я, впервые назвав его по имени и отчеству.

Или только хотел крикнуть?

Ненадежный настил качался у него под ногами. Голова вдруг мотнулась вперед, словно от мощного толчка, тело стало заваливаться грудью на канат и в следующий миг, нелепо перевернувшись, уже летело вниз, вниз, вниз.

Заветная шкатулка выпала из моих рук, ударилась о камень и раскололась, ослепительными искрами вспыхнули разноцветные грани бриллиантов, сапфиров, изумрудов, но я даже не взглянул на все эти несметные сокровища, посыпавшиеся в траву.

Из расщелины донесся мягкий, хрусткий звук удара, и я охнул. Черный куль, разгоняясь, покатился по крутому склону и прекратил свое тошнотворное верчение лишь у самого ручья, безвольно уронил одну руку в воду и остался лежать так, лицом в гальку.

Я не любил этого человека. Может быть, даже ненавидел. Во всяком случае, хотел, чтобы он раз и навсегда исчез из нашей жизни. Однако я не желал ему смерти.

Его ремеслом был риск, он всё время играл с опасностью, но я почему-то не думал, что он может погибнуть. Он казался мне бессмертным.

Не знаю, сколько времени я простоял так, одеревенело глядя вниз. Должно быть, совсем недолго. Но время будто дало трещину, расколосось, и я провалился в эту прореху – туда, в прежнюю, безмятежную жизнь, оборвавшемуся ровно две недели назад.

Да, тогда тоже был понедельник, шестое мая.

6 мая

В древнюю столицу Российского государства мы прибыли утром. В связи с грядущими коронационными торжествами Николаевский вокзал был перегружен, и наш поезд по передаточной ветви отогнали на Брестский, что показалось мне со стороны местных властей поступком, мягко говоря, некорректным. Надо полагать, тут сказалась некоторая холодность отношений между его высочеством Георгием Александровичем и его высочеством Симеоном Александровичем, московским генерал-губернатором. Ничем иным не могу объяснить унижительное получасовое стояние на Сортировочной и последующий перегон экстренного поезда с главного вокзала на второстепенный.

Да и встречал нас на перроне не сам Симеон Александрович, как того требуют протокол, традиция, родственность и, в конце концов, просто уважение к старшему брату, а всего лишь председатель комитета по приему гостей – министр императорского двора, который, впрочем, тут же отбыл на Николаевский встречать принца Прусского. С каких это пор прусскому наследнику в Москве оказывают больше почтения, чем дяде его величества, генерал-адмиралу российского флота и второму по старшинству из великих князей императорского дома? Георгий Александрович не подал виду, но, думаю, был возмущен столь явным афронтом не меньше, чем я.

Хорошо хоть ее высочество великая княгиня Екатерина Иоанновна осталась в Петербурге – она так ревностна к тонкостям ритуала и соблюдению августейшего достоинства. Эпидемия кори, поразившая четырех средних сыновей, Алексея Георгиевича, Сергея Георгиевича, Дмитрия Георгиевича и Константина Георгиевича, помешала ее высочеству, образцовой и любящей матери, участвовать в коронации, наивысшем событии в жизни государства и императорской фамилии. Правда, злые языки утверждали, что отсутствие ее

высочества на московских торжествах объясняется не столько материнской любовью, сколько нежеланием исполнять роль статистки при триумфе молодой царицы. При этом поминали прошлогоднюю историю с Рождественским балом. Новая императрица предложила дамам августейшей фамилии учредить общество рукоделия – чтоб каждая из великих княгинь связала по теплоту чепчику для сироток Мариинского приюта. Возможно, Екатерина Иоанновна и в самом деле излишне сурово отнеслась к этому начинанию. Не исключаю также, что с тех пор отношения между ее высочеством и ее величеством стали не вполне хороши, однако же никакого эпатирования в неприезде моей госпожи на коронацию не было, за это я могу поручиться. Екатерина Иоанновна может относиться к ее величеству каким угодно образом, но ни за что не позволила бы себе пренебречь династическим долгом без очень серьезной причины. Сыновья ее высочества, действительно, были тяжело больны.

Это, конечно, печально, но, как говорят в народе, нет худа без добра, ибо вместе с ее высочеством в столице остался весь великокняжеский двор, что существенно облегчало очень непростую задачу, стоявшую передо мной в связи с временным переездом в Москву. Придворные дамы были очень огорчены тем, что не увидят московского празднества и выражали недовольство (разумеется, не выходя за рамки этикета), но Екатерина Иоанновна осталась непреклонна: по церемониалу малый двор должен находиться там, где пребывает большинство членов великокняжеского семейства, а большинство Георгиевичей, как неофициально именуется наша ветвь императорского дома, осталась в Петербурге.

На коронацию отправились четверо: сам Георгий Александрович, его старший и младший сыновья, а также единственная дочь Ксения Георгиевна.

Как я уже сказал, отсутствие господ придворных меня только радовало. Управляющий двором князь Метлицкий и управляющий придворной конторой тайный советник фон Борн лишь мешали бы мне заниматься делом, суя нос в материи, совершенно недоступные их пониманию. Хороший дворецкий не нуждается в няньках и надзирателях, чтобы справляться со своими обязанностями. Что же до гофмейстерины с фрейлинами, то я просто не знал бы, где их разместить – такую жалкую резиденцию выделил Зеленому двору (так называют наш дом по цвету шлейфа великой княгини) коронационный комитет. Однако о резиденции разговор впереди.

Переезд из Петербурга прошел благополучно. Поезд состоял из трех вагонов: в первом ехала августейшая семья, во втором слуги, в третьем необходимая утварь и багаж, так что мне постоянно приходилось перемещаться из вагона в вагон.

Его высочество Георгий Александрович сразу же после отбытия сел пить коньяк с его высочеством Павлом Георгиевичем и камер-юнкером Эндлунгом. Изволил выпить одиннадцать рюмок, устал и после почивал до самой Москвы. Перед сном, уже у себя в «каюте», как он назвал купе, немного рассказал мне о плавании в Швецию, имевшем место двадцать два года назад и произведшем на его высочество большое впечатление. Дело в том, что хоть Георгий Александрович и состоит в звании генерал-адмирала, однако выходил в море всего единожды, сохранил об этом путешествии самые неприятные воспоминания и частенько поминает французского министра Кольбера, который на кораблях не плавал вовсе, однако же сделал свою страну великой морской державой. Историю о шведском плавании я слышал много раз и успел выучить наизусть. Тут самое опасное – описание шторма у берегов Готланда. После слов «И тогда капитан как крикнет: “Все на помпы!”» его высочество имеет обыкновение выкатывать глаза и с размаху бить кулаком по столу. В этот раз произошло то же самое, но без какого-либо ущерба для скатерти и посуды, поскольку я своевременно принял меры: придержал графин и рюмку.

Когда его высочество утомился и стал утрачивать связность речи, я подал знак лакею, чтобы раздевал и укладывал, а сам отправился проведать Павла Георгиевича и лейтенанта Эндлунга. Как люди молодые и пышущие здоровьем, они устали от коньяка гораздо меньше. Можно сказать, совсем не устали, так что нужно было за ними приглядывать, особенно учитывая нрав господина камер-юнкера.

Ох уж этот Эндлунг. Не следовало бы так говорить, но Екатерина Иоанновна совершила большую ошибку, когда сочла этого господина подходящим наставником для своего старшего сына. Лейтенант, конечно, ловкая бестия: взгляд ясный и чистый, физиономия розовая, аккуратный пробор на золотистой голове, детский румянец на щеках – ну прямо ангел. С пожилыми дамами почтителен, ножкой шаркает, может с самым заинтересованным видом и про Иоанна Кронштадтского, и про чумку у левретки послушать. Неудивительно, что Екатерина Иоанновна от Эндлунга растаяла. Такой приятный и, главное, серьезный молодой человек, не то что шалопаи-гардемарины из Морского корпуса или бездельники из Гвардейского экипажа. Нашла кому доверить опеку

над Павлом Георгиевичем в первом большом плавании. Уж я насмотрелся на этого попечителя.

В первом же порту, Варне, Эндлунг разрядился павлином – в белый костюм, алую жилетку, звездчатый галстук, широченную панаму – и отправился в непотребный дом, ну и его высочество, тогда еще совсем мальчика, потащил с собой. Я попробовал вмешаться, а лейтенант мне: «Я обещал Екатерине Иоанновне, что глаз с его высочества не спущу, куда я, туда и он». Я ему говорю: «Нет, господин лейтенант, ее высочество сказали: куда он, туда и вы». А Эндлунг: «Это, Афанасий Степаныч, казуистика. Главное – мы будем неразлучны, как Аяксы». И протащил-таки юного мичмана по всем вертепам, до самого Гибралтара. А после Гибралтара до Кронштадта оба, и лейтенант, и мичман, вели себя смиренно и даже на берег не сходили – только по четыре раза в день бегали к доктору делать спринцовки. Вот каков наставничек. От этого Эндлунга его высочество очень переменялся, просто не узнать. Я уж и Георгию Александровичу намекал, а он только рукой махнул: ничего, мол, моему Полли такая школа только на пользу, а Эндлунг, хоть и балбес, но зато хороший товарищ и душа нараспашку, большого вреда от него не будет. На мой же взгляд это называется пускать козу в огород, если употребить народное выражение. Я Эндлунга этого насквозь вижу. Как же – душа нараспашку. Благодаря дружбе с Павлом Георгиевичем и вензель на погоны получил, а теперь еще и камер-юнкера. Это же неслыханно – такое почтенное придворное звание какому-то лейтенантишке!

Оставшись одни, молодые люди затеяли играть в безик на исполнение желаний. Когда я заглянул в купе, Павел Георгиевич позвал:

– Садись, Афанасий. Сыграй с нами на «американку». Продуешься – заставлю тебя сбрить твои драгоценные бакенбарды к чертовой матери.

Я поблагодарил и отказался, сославшись на чрезвычайную занятость, хотя никаких особенных дел у меня не было. Не хватало еще играть с его высочеством на «американку». Да Павел Георгиевич и сам отлично знал, что партнера из меня не выйдет – просто шутил. В последние месяцы появилась у него эта обескураживающая привычка – надо мной подшучивать. А всё спасибо Эндлунгу – его влияние. Сам Эндлунг, правда, с некоторых пор поддевать меня перестал, но Павел Георгиевич все никак не остановится. Ничего, его высочеству можно, я не в претензии.

Вот и теперь он сказал мне с самым строгим видом:

– Знаешь, Афанасий, феноменальная растительность на твоём лице вызывает ревность неких влиятельных особ. К примеру, позавчера на балу, когда ты стоял у дверей такой важный, с раззолоченной булавой и бакенбарды на обе стороны, все дамы смотрели только на тебя, а на кузена Ники никто и не взглянул, хоть он и император. Надо, надо тебя обрить или хотя бы остричь.

На самом деле моя «феноменальная растительность» не представляла собой ничего из ряда вон выходящего: усы с подусниками и бакенбарды – возможно, пышные, но не чрезмерные и уж во всяком случае содержащиеся в достойном виде. Такие же носил и мой отец, и мой дед, так что ни бриться, ни стричься я не намеревался.

– Ладно тебе, Полли, – заступился за меня Эндлунг. – Не мучай Афанасия Степановича. Ходи-ка лучше, твой черед.

Видно, все-таки придется объяснить про мои отношения с лейтенантом. Тут ведь своя история.

В первый же день плавания на корвете «Мстислав», как только вышли из Севастополя, Эндлунг подстерег меня на палубе, положил руку на плечо и сказал, глядя наглыми, совершенно прозрачными от выпитого при проводах вина глазами:

– Что, Афоня, лакейская душа, швабры распустил? Бризом разметало? [Мои бакенбарды от свежего морского ветра и в самом деле несколько растрепались – в дальнейшем мне пришлось на время путешествия их немного укоротить.] Не в службу, а в дружбу – слетай к сквалыге-буфетчику, скажи, его высочество велел бутылочку рома прислать – чтоб не укачало.

Эндлунг меня еще по дороге, пока ехали поездом до Севастополя, все дразнил и поддевал в присутствии его высочества, но я терпел, ждал случая объясниться наедине. Вот случай и представился.

Я деликатно, двумя пальцами, снял руку лейтенанта (в ту пору еще никакого не камер-юнкера) со своего плеча и учтиво так говорю:

– Если вам, господин Эндлунг, пришла фантазия озаботиться дефиницией моей души, то точнее будет назвать ее не «лакейской», а «гоф-фурьерской», ибо за долгую беспорочную службу при дворе его величества мне пожаловано звание гоф-фурьера. Чин этот относится к 9 классу и соответствует чину титулярного советника, армейского штабс-капитана или флотского лейтенанта (последнее я намеренно подчеркнул).

Эндлунг вскинулся:

– Лейтенанты за столом не прислуживают!

А я ему:

– Прислуживают, сударь, в ресторане, а августейшей семье служат. Всяк по-своему, согласно чести и долгу.

Вот после этого самого случая Эндлунг и стал со мной как шелковый: говорил вежливо, шуток больше не позволял, а звал по имени-отчеству и только на «вы».

Надобно сказать, что у человека моего положения с обращением на «вы» и «ты» отношения особенные, потому что и статус у нас, дворцовых служителей, особенный. Трудно растолковать, как это получается, что от одних людей оскорбительно обращение на «ты», а от других обидно услышать «вы». Но служить я могу только этим последним, если вы понимаете, что я имею в виду.

Попробую объяснить. Обращение на «ты» я сношу только от августейших особ. Нет, не сношу, а почитаю за привилегию и особое отличие. Я был бы просто убит, если бы Георгий Александрович, ее высочество или кто-нибудь из их детей, хоть бы и самых младших, вдруг сказал мне «вы». Третьего года у меня вышло разногласие с Екатериной Иоанновной по поводу одной горничной, которую несправедливо обвинили в легкомыслии. Я проявил твердость, настоял на своем, и великая княгиня, обидевшись, целую неделю мне «выкала». Я очень страдал, осунулся, по ночам не мог спать. Потом мы, конечно, объяснились. Екатерина Иоанновна с присущим ей великодушием признала свою неправоту, я тоже повинился и был допущен к руке, а она поцеловала меня в лоб.

Но я отвлекся.

Прислуживал играющим младший лакей Липпс, из новичков, которого я специально взял с собой, чтобы приглядеться, чего он стоит. Раньше служил в эстляндском поместье графа Бенкендорфа и был рекомендован мне мажордомом его сиятельства, моим давним знакомцем. Вроде бы расторопный малый и немногословен; но хороший слуга, в отличие от плохого, распознается не сразу. На новом месте любой тянется изо всех сил, тут нужно выждать пол годика-годик, а то и все два. Я понаблюдал, как Липпс подливает коньяку, как ловко он заменил испачканную салфетку, как стоит на месте – это очень, очень важно. Стоял он правильно – не переминался с ноги на ногу, головой не вертел. Пожалуй, можно выпускать и к гостям на малые приемы, решил я.

А игра шла своим ходом. Сначала проиграл Эндлунг, и Павел Георгиевич ездил на нем верхом по коридору. Потом фортуна отвернулась от его высочества, и лейтенант потребовал, чтобы великий князь совершенно раздетым сбегал в туалетную комнату и принес оттуда стакан воды.

Пока Павел Георгиевич с хохотом раздевался, я потихоньку выскользнул за дверь, позвал камердинера и велел, чтобы никто из слуг в великокняжеский салон не заглядывал, а сам прихватил из дежурного купе накидку. Когда его высочество, озираясь и прикрываясь рукой, выскочил в коридор, я хотел было накинуть ему на плечи это длинное одеяние, но Павел Георгиевич с возмущением отказался, сказав, что слово есть слово, и пробежал до туалетной комнаты и потом обратно, причем очень смеялся.

Хорошо, что мадемуазель Деклик не выглянула на смех. К счастью, его высочество Михаил Георгиевич, несмотря на поздний час, еще не ложился – изволил вприпрыжку скакать на сиденье и потом долго качался на портьере. Обыкновенно в половине девятого младший из великих князей уже спит, но тут мадемуазель сочла возможным сделать послабление, сказав, что его высочество слишком возбужден путешествием и все равно не уснет.

У нас, в Зеленом доме, детей воспитывают нестрого, не то что при Синем дворе, у Кирилловичей. Там придерживаются семейных традиций государя Николая Павловича: мальчиков воспитывают по-солдатски, с семи лет обучают фрунту, закаляют холодными обливаниями и укладывают спать в походные койки. Георгий Александрович же слывет в императорской семье либералом. Сыновей воспитывает мягко, на французский манер, а единственную дочь, свою любимицу, по мнению родственников, и вовсе избаловал.

Ее высочество, слава богу, тоже из своего купе не выходила и проказу Павла Георгиевича не видела. С самого Петербурга заперлась с книжкой, и даже знаю, с какой именно. «Крейцера соната», сочинение графа Толстого. Я читал, на случай если зайдет разговор меж дворецкими – чтоб не ударить лицом в грязь. По-моему, чтение прескучное и для девятнадцатилетней девицы, тем более великой княжны, совершенно неуместное. В Петербурге Екатерина Иоанновна ничем не позволила бы дочери читать такую пакость. Надо думать, роман был засунут в багаж тайком. Не иначе как фрейлина баронесса Строганова снабдила, больше некому.

Моряки уgomонились только под утро, после чего и я позволил себе немного подремать, потому что, честно сказать, порядком устал от предотъездных хлопот, да и предвидел, что первый день в Москве окажется нелегким.

* * *

Трудности превзошли все мои ожидания.

Так уж сложилось, что за сорок шесть лет своей жизни я никогда прежде не бывал в Белокаменной, хотя по свету поездил немало. Дело в том, что у нас в Семье азиатчину не жалуют, единственным мало-мальски пристойным местом во всей России признают Петербург, да и с московским генерал-губернатором Симеоном Александровичем мы холодны, так что бывать нам в древней столице незачем. Даже в Крым, на Мисхорскую мызу, мы обычно едем кружным путем, через Минск, поскольку Георгий Александрович по дороге любит пострелять зубров в Беловежской пуще. А на прошлую коронацию, тому тринадцать лет, я не ездил, поскольку занимал должность помощника дворецкого и был оставлен замещать моего тогдашнего начальника, покойного ныне Захара Трофимовича.

Пока ехали от вокзала через весь город, я составил себе о Москве первое впечатление. Город оказался еще менее цивилизованным, чем я ожидал – никакого сравнения с Петербургом. Улицы узки, бессмысленно изогнуты, дома убоги, публика неряшлива и провинциальна. И это при том, что в преддверие ожидаемого высочайшего прибытия город изо всех сил постарался прихорошиться: фасады помыты, крыши свежевыкрашены, на Тверской (это главная московская улица, чахлае подобие Невского) повсюду развешаны царские вензеля и двуглавые орлы. Даже не знаю, с чем Москву и сравнить. Такая же большая деревня, как Салоники, куда заходил наш «Мстислав»

в прошлом году. По дороге нам не встретилось ни фонтана, ни дома, в котором было бы больше четырех этажей, ни конной статуи – лишь сутулый Пушкин, да и тот, судя по цвету бронзы, недавнего обзаведения.

У Красной площади, которая меня тоже изрядно разочаровала, кортеж разделился. Их высочества, как подобает членам императорской фамилии, отправились поклониться иконе Иверской Божьей Матери и кремлевским мощам, а я со слугами поехал готовить наше временное московское обиталище.

Из-за вынужденного деления двора на две половины пришлось довольствоваться самым скромным количеством прислуги. Я смог взять с собой из Петербурга лишь восемь человек: камердинера его высочества, горничную Ксении Георгиевны, младшего лакея (уже поминавшегося Липпса) для Павла Георгиевича и Эндлунга, буфетчика с помощником, белого повара и двух кучеров для английского и русского выездов. Предполагалось, что чай и кофе я буду подавать сам – это своего рода традиция. Рискуя показаться нескромным, скажу, что во всем дворцовом ведомстве никто лучше меня не исполняет сей род обязанностей, требующий не только огромного навыка, но и таланта. Недаром я пять лет служил кофешенком при их величествах покойном государе и ныне вдовствующей императрице.

Разумеется, я не рассчитывал, что обойдусь восемью слугами, и особой телеграммой просил московский отдел Дворцового управления назначить мне толкового помощника из местных, а также предоставить двух фореиторов, черного повара для прислуги, лакея для обслуживания старших слуг, двух младших лакеев для уборки, горничную для мадемуазель Деклик и двух швейцаров. Большого просить не стал, отлично понимая, какая в Москве нехватка с опытной прислугой в связи с прибытием такого количества высоких особ. Никаких иллюзий на счет московских слуг я, конечно, не питал. Москва – город пустующих дворцов и ветшающих вилл, а хуже нет, чем держать штат слуг безо всякого дела. От этого люди дуреют и портятся. Вот у нас три больших дома, в которых мы живем попеременно (за вычетом весны, которую проводим за границей, потому что Екатерина Иоанновна находит время Великого Поста в России невыносимо скучным): зимой Семья обитает в своем петербургском дворце, летом на вилле в Царском, осенью на Мисхорской мызе. В каждом из домов имеется свой штат прислуги, и бездельничать им я не даю. Всякий раз, уезжая, оставляю длинейший перечень поручений и непременно нахожу возможность время от времени наезжать с проверками, всегда неожиданными. Слуги – они, как солдаты. Их все время нужно чем-то занимать, а не то станут

пить, играть в карты и безобразничать.

Мой московский помощник встретил нас на вокзале и, пока ехали в карете, успел кое-что разъяснить про ожидающие меня проблемы. Во-первых, выяснилось, что мой запрос, весьма умеренный и разумный, выполнен Дворцовым управлением не полностью: младшего лакея выделили только одного, повара для прислуги тоже не дали, только кухарку, а хуже всего то, что не получилось с горничной для гувернантки. Это мне было особенно неприятно, потому что позиция гувернантки изначально двусмысленна, ибо находится на грани между обслуживающим и придворным штатом, тут требуется сугубая деликатность, чтобы не обидеть и не унижить человека, который и так постоянно опасается ущемления своего достоинства.

– Это еще не самое прискорбное, господин Зюкин, – сказал московский помощник с характерным «аканьем», заметив мое неудовольствие. – Печальнее всего то, что вместо обещанного Малого Николаевского дворца в Кремле вам определен для проживания Эрмитаж, что в Нескучном саду.

Помощника звали Корнеем Селифановичем Сомовым, и на первый взгляд он мне не показался: какой-то неблагообразно лопоухий, тощий, кадыкастый. Сразу видно, что человек достиг пика своей карьеры и дальше ему хода не будет, так и просидит до пенсии в московском захолустье.

– Что за Эрмитаж такой? – нахмурился я.

– Красивый дом, с превосходным видом на Москву-реку и город. Стоит в парке и близок от Александрийского дворца, где перед коронацией поселится высочайшая чета, но... – Сомов развел длинными руками. – Ветх, тесен и с привидением. – Он коротко хихикнул, однако, видя по моему лицу, что я к шуткам не расположен, стал объяснять. – Дом построен в середине прошлого столетия. Когда-то принадлежал графине Чесменской – той самой, знаменитой богачке и сумасбродке. Вы, господин Зюкин, про нее наверняка слышали. Некоторые говорят, что Пушкин писал свою Пиковую Даму с нее, а вовсе не со старой княгини Голицыной.

Я не люблю, когда слуги щеголяют начитанностью, и ничего на это не сказал, лишь кивнул.

Очевидно, Сомов не понял причины моего недовольства, потому что продолжил с еще большей витиеватостью:

– Согласно преданию, в царствование Александра Первого, когда всё общество играло в новомодную игру лото, графиня сыграла с самим Нечистым и поставила на кон свою душу. Служители рассказывают, что иногда безлунными ночами по коридору проходит белая фигура в чепце и постукивает камешками в мешке.

Сомов снова хихикнул, как бы давая понять, что сам он, будучи человеком просвещенным, в подобную чушь не верит. Однако я отнесся к этому известию с полной серьезностью, потому что всякий служитель, в особенности если он, подобно мне, принадлежит к старинной дворцовой династии, знает, что призраки и привидения существуют на самом деле и шутить как с ними, так и о них – занятие глупое и безответственное. Я спросил, делает ли привидение старой графини что-нибудь злое кроме постукивания костяшками. Сомов ответил, что нет, за без малого сто лет ни в каких иных каверзах привидение замечено не было, и я успокоился. Ладно, пусть себе ходит, нестрашно. Вот у нас в Фонтанном дворце водится призрак камер-юнкера Жихарева, писаного красавца и несостоявшегося фаворита Екатерины Великой, отравленного князем Зубовым. Что там графиня в чепце! Этот жилец (или, правильнее сказать, нежилец?) ведет себя самым непристойным образом: в темноте щиплет дам и прислугу, а особенно распоясывается накануне Ивана Купалы. Августейших особ, правда, касаться не дерзает – все-таки камер-юнкер. Или вот в Аничковом призрак смольнинской институтки, якобы совращенной государем Николаем Павловичем и после наложившей на себя руки. Ночью просачивается сквозь стены и роняет холодные слезы на лицо спящим. То-то приятно от ледяной слезы проснуться и увидеть перед собой этакий страх.

В общем, привидением меня Сомов не испугал. Хуже оказалось то, что дом и в самом деле оказался очень тесен и лишен многих необходимых удобств. Неудивительно – с тех пор как это владение полвека назад было выкуплено у графов Чесменских Дворцовым управлением, в нем ничего не обновляли.

Я прошелся по этажам, прикидывая, что нужно сделать в первую очередь. Следовало признать, что с основными приготовлениями Сомов справился неплохо: мебель была расчехлена, всё сияло чистотой, в спальнях стояли свежие цветы, рояль в большой гостиной звучал исправно.

Освещение меня огорчило – оно было даже не газовое, а вовсе допотопное, масляное. Эх, мне бы хоть недельку – я развернул бы в подвале маленькую электростанцию, провел бы провода, и дворец принял бы совсем иной вид. А то что же при масляном освещении сумерничать. У нас в Фонтанном такое было лет тридцать назад. Выходило, что понадобится фонарщик, который будет заливать масло в лампы – они были английской работы, с часовым заводом на сутки.

Кстати о часах. Я насчитал в доме девятнадцать напольных и настенных, и все шли вразнобой. Решил, что часы заведу сам – это дело требует аккуратности и точности. Хороший дом, содержащийся в идеальном порядке, всегда видно по тому, одинаковое ли время в нем показывают часы в разных комнатах. Это вам скажет любой опытный дворецкий.

Телефонный аппарат я обнаружил только один, в прихожей, и велел провести еще две линии: одну в кабинет Георгия Александровича и другую ко мне в комнату, поскольку наверняка придется без конца переговариваться с Александрийским дворцом, генерал-губернаторским домом и Дворцовым управлением.

Но предварительно следовало решить, кого куда поселить, и над этим пришлось основательно поломать голову.

В доме на обоих этажах насчитывалось всего-навсего восемнадцать комнат. Просто не представляю, как бы все разместились, если бы с нами была великая княгиня с остальными детьми и двором. Сомов рассказал, что семье великого князя Николая Константиновича на восемь августейших особ и четырнадцать человек свиты, не считая прислуги, выделили особнячок в пятнадцать комнат, так что придворным пришлось селиться по трое, а то и по четверо, слуг же и вовсе разместили над конюшней! Ужасно, хоть Николай Константинович по старшинству и ниже Георгия Александровича на две ступени.

Некстати было то, что его высочество пригласил на коронацию своего приятеля лорда Бэнвилла, который ожидался с берлинским поездом ближе к вечеру. Англичанин, слава богу, был холост, но все равно следовало оставить для него две комнаты: самому лорду и его дворецкому. И тут уж не приведи господь опростоволоситься. Знаю я этих английских батлеров, они баре почище своих лордов. Особенно мистер Смайли, который состоял при его светлости. Надутый, чванный – достаточно я налюбовался на него в прошлом месяце в Ницце.

Итак, бельэтаж я отвел для августейшей фамилии. Две комнаты окнами на парк и царский дворец Георгию Александровичу – это будет спальня с кабинетом. На балкон поставить кресло, столик и коробку с сигарами; на окно, выходящее в сторону Александрийского дворца, пристроить подзорную трубу, чтобы его высочеству было удобнее наблюдать за окнами венценосного племянника. Ксении Георгиевне – светлую комнату с видом на реку, это ей понравится. Рядом – горничную Лизу. Павла Георгиевича в мезонин, он любит быть на отдалении от прочих членов семьи, опять же туда ведет отдельная лестница, что удобно для поздних возвращений. Эндлунга – по соседству, в бывший чулан. Невелика птица. Перенести кровать, на стену ковер, на пол медвежью шкуру, и не видно будет, что чулан. Маленького Михаила Георгиевича – в просторную комнату окнами на восток. В самый раз для детской. И рядом очень славное помещенье для мадемуазель Деклик. Я распорядился поставить туда букет колокольчиков, это ее любимые цветы. Последнюю из комнат бельэтажа отвел под малую гостиную для мирного досуга в кругу семьи, если, конечно, в эти сумасшедшие дни выдастся хоть один свободный вечер.

Внизу два самых больших помещения естественным образом превратились в главную гостиную и столовую, две комнаты поприличней я приготовил для англичан, одну взял себе (маленькую, но расположенную в стратегически важном месте, под лестницей), ну а уж прочей прислуге пришлось устраиваться по нескольку человек. *A la guerre comme a la guerre* или, говоря по-русски, в тесноте, да не в обиде.

В целом получилось лучше, чем можно было бы ожидать.

Дальше начались хлопоты по распаковке багажа: платий, мундиров и костюмов, столового серебра, тысячи всяких мелких, но совершенно необходимых вещей, при помощи которых любой сарай можно превратить в приличное и даже уютное пристанище.

Пока московские носили сундуки и коробки, я присматривался к каждому, чтобы определить, кто чего стоит и на каком месте может быть использован с наибольшей пользой. Главный талант любого начальствующего лица состоит именно в этом: определить сильные и слабые стороны каждого из подчиненных с тем, чтобы использовать первые и оставлять нетронутыми вторые. Долгий опыт руководства большим штатом работников научил меня, что людей вовсе бездарных, ни к чему не способных, на свете очень мало. Любому человеку можно сыскать применение. Когда кто-нибудь в нашем клубе жалуется на

никчемность лакея, официанта или горничной, я про себя думаю: эх, голубчик, плохой ты дворецкий. У меня все слуги со временем становятся хороши. Надо чтобы каждый любил свою работу – вот и весь секрет. Повар должен любить стряпню, горничная – делать из беспорядка порядок, конюх – лошадей, садовник – растения.

Высшее искусство настоящего дворецкого – досконально разобраться в человеке, понять, что он любит, ибо, как ни странно, большинство людей не имеют ни малейшего понятия, к чему у них склонность и в чем их дар. Бывает, приходится пробовать и так, и этак, прежде чем нащупаешь.

Тут ведь дело не только в работе, хотя и это, конечно, важно. Когда человек занимается любимым делом, он доволен и счастлив, а если все слуги в доме покойны, радостны и приветливы, от этого возникает совершенно особенная обстановка, или, как теперь говорят, атмосфера.

Нужно непременно поощрять и награждать подчиненных – но в меру, не просто за добросовестное исполнение обязанностей, а за особенное усердие. Наказывать тоже необходимо, но только справедливо. При этом следует доходчиво объяснять, за что назначено наказание и, разумеется, оно ни в коем случае не должно быть унижительным. Еще раз повторю: если подчиненный не справляется со своей работой – виноват в этом начальник. У меня в Фонтанном сорок два человека, в Царском четырнадцать, и еще в Крыму двадцать три. И все на своем месте, уж можете мне поверить. Сам Пантелеймон Кузьмич, дворецкий его высочества великого князя Михаила Михайловича-старшего, не раз говорил мне: «Вы, Афанасий Степанович, настоящий психолог». И не гнушался у меня совета спросить в особенно трудных случаях. Например, в позапрошлый год в Гатчинском дворце попал к нему в штат один младший лакей – слов нет, до чего бестолковый. Помучился с ним Пантелеймон Кузьмич, побился, и попросил меня присмотреться: дубина из дубин, говорит, а прогнать жалко. Я взял парня – захотелось блеснуть. В столовой оказался негоден, в гардеробной тоже, в кухне тем более. Одним словом, как говорят в народе, крепкий орех. А как-то раз гляжу – сидит он во дворе и через осколок стекла на солнце смотрит. Стало мне любопытно. Остановился, наблюдаю. И так он с этим стеклышком возился, будто ему достался какой бриллиант бесценный. То подышит на него, то рукавом потрет. Здесь меня и осенило. Поручил ему в доме стекла протирать – и что вы думаете? Засияли мои окна, как горный хрусталь. И подгонять парня не нужно было, так с утра до вечера и полировал стеклышко за стеклышком. Теперь он лучший мойщик окон во всем Петербурге, у

Пантелеймона Кузьмича дворецкие на него в очередь записываются. Вот что значит нашел человек свое призвание.

Только я завел в доме часы, только слуги вынесли из последней коляски последнюю шляпную коробку, как пожаловали английские гости, и тут меня ожидал пренеприятный сюрприз.

Оказывается, лорд Бэнвилл привез с собой друга, некоего мистера Карра.

Самого лорда я отлично запомнил по Ницце – он нисколько не переменялся: с гладким пробором посередь темени, при монокле, тросточке и с сигарой в зубах, на указательном пальце перстень с большим бриллиантом. Одет как всегда безукоризненно, истинный образчик британского джентльменства. В черном, идеально отутюженном смокинге (это с поезда-то!), в черном атласном жилете и белейшем, туго накрахмаленном воротничке. Едва спрыгнув с подножки, откинул голову назад и громко заржал по-лошадиному, чем очень напугал вертевшуюся неподалеку горничную Лизу, а меня ничуть не удивил. Мне было известно, что его светлость – заядлый лошадиный, полжизни проводит в стойле, понимает конский язык и чуть ли даже ни может на нем объясняться. Во всяком случае, так рассказывал Георгий Александрович, познакомившийся с лордом Бэнвиллом в Ницце на бегах.

Оторжавшись, его светлость протянул руку и помог выйти из кареты еще одному джентльмену, которого представил как своего дорогого друга мистера Карра. Это был субъект в совершенно ином роде, каких в наших краях, пожалуй, и не встретишь.

Волосы удивительного соломенно-желтого цвета – сверху прямые, а на краях загнутые, чего, казалось бы, и в природе не бывает. Лицом бел и гладок, на щеке круглая ровная родинка, похожая на бархатную мушку. Сорочка у друга его светлости была не белая, а голубая – такой я еще не видывал. Сюртук пепельно-голубой, жилет лазурный в золотую крапинку, в петлице гвоздика совершенно синего цвета. Особенно же мне бросились в глаза необычайно узкие штиблеты с перламутровыми пуговками и лимонно-желтыми гамашами. Станный человек осторожно ступил на брусчатку, грациозно потянулся, и на его тонком, кукольном личике появилось капризно-жеманное выражение. Внезапно взгляд мистера Карра упал на швейцара Трофимова, дежурившего на крыльце. Трофимов, как я уже имел возможность удостовериться, был непроходимо глуп и ни на какую иную должность кроме привратничкой не

годен, но смотрелся представительно: ростом в сажень, плечист, круглоглаз и с густой черной бородой. Английский гость приблизился к Трофимову, который, как и положено, стоял истукан истуканом, посмотрел на него снизу вверх, зачем-то подергал за бороду и сказал что-то по-английски высоким, мелодичным голосом.

Пристрастия лорда Бэнвилла прояснились еще в Ницце, так что Екатерина Иоанновна, особа строгих правил, не пожелала с ним и зняться, но Георгий Александрович, будучи человеком широких взглядов (к тому же, заметим мимоходом, слишком хорошо знакомым с подобными господами по светскому кругу общения) находил пристрастие лорда к женоподобным грумам и румяным лакеям забавным. «Прекрасный собеседник, отличный спортсмен и истинный джентльмен», – так сказал он мне, поясняя, почему счел возможным пригласить Бэнвилла в Москву (тогда уже стало ясно, что Екатерина Иоанновна на коронацию не едет).

Неприятным сюрпризом для меня стало не то, что его светлость привез с собой свою очередную пассию – в конце концов мистер Карр выглядел как человек из общества – причина моего расстройств объяснялась проще: куда поместить еще одного гостя? Даже если они будут ночевать в одной комнате, все равно из соблюдения приличий придется выделить второму англичанину отдельную спальню. Я немного подумал, и сразу нашлось решение: московских слуг, за исключением Сомова, переселить на чердак, что над конюшней. За счет этого освободятся две комнаты, одну отдам англичанину, а другую великокняжескому повару мэтру Дювалю, а то он разобижен.

– Где господин Смайли? – спросил я лорда Бэнвилла по-французски про его дворецкого, поскольку нужно было дать ему необходимые пояснения.

Как и большинство воспитанников дворцового ведомства, я с детства обучен французскому и немецкому, но не английскому. Это в последние годы двор заметно англизировался, и мне все чаще приходится жалеть о недостатке своего образования, а в прежние времена английский считался языком неизысканным и для нашей службы необязательным.

– Он уволился, – ответил милорд по-французски же и неопределенно махнул рукой. – А мой новый дворецкий Фрейби там, в карете. Читает книгу.

Я подошел к экипажу. Слуги споро разгружали багаж, а на бархатном сиденье, закинув ногу на ногу, сидел полнолицый господин очень важного вида. Он был лыс, густобров, с аккуратно подстриженной бородкой – одним словом, никак не напоминал английского дворецкого, да и вообще дворецкого. Через открытую дверцу я разглядел, что мистер Фрейби держит в руках пухлый том с золотыми буквами на обложке: Trollope. Что означает это английское слово, мне было неизвестно.

– *Soyez le bienvenu!*[1 - Добро пожаловать! (фр.)] – приветствовал я его с учтивым поклоном.

Он молча посмотрел на меня сквозь золотые очки спокойными голубыми глазами и ничего не ответил. Стало ясно, что французского мистер Фрейби не знает.

– *Herzlich willkommen!*[2 - Добро пожаловать! (нем.)], – перешел я на немецкий, но взгляд англичанина остался таким же вежливо-безучастным.

– *You must be the butler Zyukin?* – проговорил он приятным баритоном какую-то невнятицу.

Я развел руками.

Тогда мистер Фрейби с видом явного сожаления убрал книгу в широченный карман сюртука и достал оттуда же другую, много меньше первой. Полистал и вдруг произнес одно за другим понятные слова:

– Ти, ви... должен.... бить.... дворецки Зьюкин?

А, это у него англо-русский словарь, догадался я и одобрил подобную предусмотрительность. Если б я знал, что мистер Смайли, худо-бедно изъяснявшийся на французском, у милорда больше не служит, а заменен новым батлером, я бы тоже запасся лексиконом. Ведь нам с этим англичанином предстояло решать вместе немало сложных и деликатных проблем.

Словно подслушав мои мысли, мистер Фрейби достал из другого кармана еще один томик, на вид ничем не отличавшийся от англо-русского словаря. Протянул мне.

Я взял, прочел на обложке «Русско-английский словарь с чтением английских слов».

Англичанин полистал свое пособие, нашел нужное слово и пояснил:

– A present... Подарок.

Я открыл дареный томик и увидел, что он устроен ловко и умно: все английские слова написаны русскими буквами и с ударением. Сразу же и опробовал лексикон в деле. Хотел спросить: «Где чей багаж?» Получилось:

– Уэа... хуз... лаггедж?

И он меня отлично понял!

Небрежным жестом подозвал лакея, тащившего на плече тяжелый чемодан, ткнул пальцем в желтую наклейку. На ней было написано Banville. Приглядевшись, я заметил, что наклейки имеются на всех предметах багажа, только на одних желтые с именем милорда, на других синие с надписью Carr, а на третьих красные с надписью Freyby. Очень разумно, надо будет взять на вооружение.

Очевидно, сочтя проблему благополучно разрешенной, мистер Фрейби снова извлек из кармана свой фолиант и перестал обращать на меня внимание, а я задумался о том, что английские батлеры, конечно, всем хороши и свое дело знают, но кое-чему у нас, русских служителей, все же могли бы поучиться. А именно – сердечности. Они просто обслуживают господ, а мы их еще и любим. Как можно служить человеку, если не испытываешь к нему любви? Это уж какая-то механистика получается, будто мы не живые люди, а автоматы. Правда, говорят, что английские дворецкие служат не господину, а дому – наподобие кошек, привязываются не столько к человеку, сколько к стенам. Если так, то этакая привязанность не по мне. И мистер Фрейби показался мне что-то уж больно странным. Хотя, рассудил я, у такого хозяина и слуги должны быть чудные. Да и неплохо это, что mon colleague anglais[3 - Мой английский коллега (фр.)] такой, как говорят в народе, квёклый – будет меньше путаться под ногами.

* * *

Затевать настоящий обед времени не было, поэтому к прибытию их высочеств я распорядился накрыть стол на скорую руку, а la picnic – с малым серебром, на простеньком мейсенском сервизе, и вовсе без горячих блюд. Кушанья заказал по телефону из «Delicatessen» Снайдерса: паштет из бекасов, пирожки со спаржей и трюфелями, расстегайки, заливное, рыбу, копченых пулярок и фрукты на десерт. Ничего, можно было надеяться, что уже к вечеру мэтр Дюваль освоится на кухне и ужин получится более пристойным. Правда, я знал, что Георгий Александрович и Павел Георгиевич вечером будут у его императорского величества, который ожидался в половине шестого пополудни и прямо с вокзала должен был проследовать в походный Петровский дворец. Высочайший приезд нарочно подгадали именно на шестое мая, поскольку это день рождения государя. Уже с обеда затрещали церковные колокола, которых в Москве неисчислимо множество, – это начались молебствия о ниспослании здоровья и долголетия его императорскому величеству и всей августейшей семье. Я лишний раз пометил себе распорядиться насчет балдахина с вензелем «Н» над подъездным крыльцом. Если вдруг пожалует государь, подобный знак родственного внимания будет кстати.

В пятом часу Георгий Александрович и Павел Георгиевич, надев парадные мундиры, отбыли на вокзал, Ксения Георгиевна стала разбирать старинные книги в малой столовой, которая при Чесменских, кажется, использовалась в качестве библиотеки, лорд Бэнвилл с мистером Карром заперлись в комнате его светлости и велели сегодня их больше не беспокоить, а мы с мистером Фрейби, предоставленные сами себе, сели перекусить.

Прислуживал младший лакей со странной фамилией Земляной, из московских. Неотесанный, довольно неловкий, но очень старательный. Пялился на меня во все глаза – должно быть, наслышан об Афанасии Зюкине. Признаюсь, это было лестно.

Вскоре, уложив своего питомца на послеобеденный герос, к нам присоединилась и гувернантка мадемуазель Деклик. Она уже отобедала с их высочествами, однако какая же это еда, когда сидишь рядом с Михаилом Георгиевичем – его высочество обладает весьма беспокойным нравом и все время шалит: то начнет хлебом кидаться, то спрячется под стол и приходится его оттуда извлекать. Одним словом, мадемуазель охотно выпила с нами чаю и отдала должное замечательным филипповским пряникам.

Ее присутствие оказалось очень кстати, поскольку мадемуазель знала по-английски и отлично справилась с обязанностями переводчицы.

Я спросил англичанина, чтобы с чего-то начать разговор:

- Давно изволите работать дворецким?

Он ответил одним коротким словом, и мадемуазель перевела:

- Давно.

- Вы можете не беспокоиться, вещи распакованы и никаких трудностей не возникло, - сказал я не без укора, поскольку мистер Фрейби в распаковке не участвовал вовсе - так и просидел со своей книжкой в карете до самого конца этой ответственной операции.

- Я знаю, - был ответ.

Мне сделалось любопытно - в флегматичной манере англичанина ощущалась не то поразительная, превосходящая все мыслимые границы леность, не то высший шик батлеровского мастерства. Ведь пальцем о палец не ударил, а вещи разгружены, распакованы, развешаны, и все на своих местах!

- Разве вы успели навеститься в покои милорда и мистера Карра? - спросил я, отлично зная, что с момента прибытия мистер Фрейби не выходил из собственной комнаты.

- No need, - ответил он, и мадемуазель столь же коротко перевела:

- Pas besoin[4 - Незачем (фр.)].

За время, которое мадемуазель провела в нашем доме, я успел неплохо ее изучить и видел по блеску в ее серых узких глазах, что англичанин ей любопытен. Разумеется, она умела владеть собой, как и подобает первоклассной гувернантке, привыкшей работать в лучших домах Европы (до нас, например, она воспитывала сына португальского короля и привезла из Лиссабона самые

превосходные рекомендации), но галльская натура иногда брала свое, и когда мадемуазель Деклик была чем-нибудь увлечена, позабавлена или рассержена, ее глаза зажигались такими маленькими огоньками. В штат прислуги особу с такой опасной особенностью я бы не взял, потому как этот самый огонек – верный знак того, что, как говорят в народе, в тихой заводи черти водятся. Но гувернеры, бонны и воспитатели – не моя забота, ими ведает управляющий двором князь Метлицкий, поэтому я мог себе позволить любоваться вышеозначенными огоньками безо всякой тревоги.

Вот и теперь мадемуазель, не удовлетворившись скромной ролью переводчицы, не утерпела, спросила (сначала по-английски, а после, для меня, по-французски):

– Откуда же вы знаете, что с вещами все в порядке?

Тут мистер Фрейби впервые произнес более или менее длинную фразу:

– Я вижу, что месье Зюкин знает свое дело. А в Берлине, где вещи паковались, их укладывал человек, который тоже знает свое дело.

Словно в вознаграждение себе за столь утомительный труд, как изречение такой пространной сентенции, батлер достал и закурил трубку, предварительно жестом испросив позволения у дамы.

И я понял, что, кажется, имею дело с совершенно исключительным дворецким, каких мне не доводилось встречать за всю мою тридцатилетнюю службу.

* * *

В седьмом часу Ксения Георгиевна объявила, что ей наскучило сидеть в четырех стенах, и мы – ее высочество, Михаил Георгиевич и я с мадемуазель Деклик – отправились кататься. Я велел подать закрытую карету, потому что день выдался пасмурный, ветреный, а после обеда еще и пошел мелкий, неприятный дождь.

Мы выехали по широкому шоссе на возвышенность, именуемую Воробьевыми горами, чтобы посмотреть на Москву сверху, но из-за серой пелены дождя мало

что увидели: широкий полукруг долины, над которой, будто пар, висели низкие облака – ни дать ни взять супница с дымящимся бульоном.

Когда ехали в обратном направлении, небо впервые за день немного просветлело. Поэтому карету мы отпустили, а сами отправились пешком от Калужской заставы через парк.

Их высочества шли впереди, причем Ксения Георгиевна вела Михаила Георгиевича за руку, чтобы не сбежал с дорожки в мокрые кусты, мы с мадемуазель держались несколько сзади.

Месяца три назад с его высочеством перестали случаться маленькие неприятности и ему как раз сравнялось четыре года, а это возраст, в котором Георгиевичей передают от английской nanny на попечение французским гувернанткам, перестают одевать в девичье платье и переводят с панталончиков на штанишки. Перемена наряда пришлась его высочеству по душе, да и с француженкой они отлично поладили. Признаюсь, поначалу я находил манеры мадемуазель Деклик чересчур вольными – к примеру, поощрения в виде поцелуев и наказания в виде шлепков или же шумную возню в детской, однако со временем понял, что тут имеется своя педагогическая метода. Во всяком случае, его высочество уже через месяц начал лопотать по-французски, полюбил распевать на этом языке песенки и вообще стал гораздо веселее и свободнее.

С некоторых пор я заметил, что заглядываю в детскую гораздо чаще, чем прежде – и, пожалуй, чаще, чем необходимо. Это открытие заставило меня крепко задуматься, и, поскольку у меня принцип всегда и во всем быть с собой честным, я довольно быстро вычислил причину: оказывается, общество мадемуазель Деклик доставляло мне удовольствие.

Ко всему, что доставляет удовольствие, я привык относиться с сугубой осторожностью, потому что удовольствия идут рука об руку с расслабленностью, а от расслабленности один шаг до нерадивости и серьезных, даже непоправимых упущений в работе. Поэтому на какое-то время я совсем перестал показываться в детской (разумеется, кроме случаев, когда этого требовали мои служебные обязанности) и сделался с мадемуазель Деклик очень сух. Но продолжалось это недолго. Она сама подошла ко мне и с безупречной почтительностью попросила помочь ей в освоении русского языка – ничего особенного, просто время от времени говорить с ней на разные темы по-русски,

поправляя особенно грубые ошибки. Еще раз повторяю, просьба была изложена столь учтиво, что отказ выглядел бы неоправданной грубостью.

С тех пор и появилась традиция наших ежедневных бесед – на совершенно нейтральные и, разумеется, благопристойные темы. По-русски мадемуазель выучилась на удивление быстро и знала уже очень много слов. Правда, говорила грамматически неправильно, но и в этом имелась своя привлекательность, устоять перед которой мне удавалось не всегда.

Вот и теперь, гуляя по аллее Нескучного парка, мы говорили по-русски. Только на сей раз беседа вышла недолгой и колючей. Дело в том, что мадемуазель опоздала к выходу на прогулку, и нам пришлось ожидать ее в карете целых тридцать секунд (я следил по своему швейцарскому хронометру). В присутствии их высочеств я сдержался, однако теперь, с глазу на глаз, счел необходимым прочесть небольшую нотацию. Делать мадемуазель выговор мне было неприятно, но этого требовал мой долг. Никто не смеет заставлять августейших особ ждать, хоть бы даже и полминуты.

– Это совсем нетрудно – всюду успевать вовремя, – говорил я, медленно произнося каждое слово, чтобы ей было понятнее. – Нужно всего лишь жить с пятнадцатиминутным опережением. Предположим, у вас назначена встреча с каким-либо лицом в три часа, а вы придите без четверти. Или, скажем, вам нужно, чтобы успеть в некое место, выйти из дому в два, а вы выйдете без четверти два. Для начала я посоветовал бы вам просто перевести часы на пятнадцать минут вперед, пока не приобвыкнетесь, а потом пунктуальность войдет у вас в привычку.

Я говорил дельные и разумные вещи, но мадемуазель Деклик ответила мне дерзостью:

– Господин Зьюкин, можно я буду пехевести часы на полминута? (Ей никак не давалось русское «р» – получалось нечто вроде малороссийского «х»). Больше чем полминута я всё хавно никогда не опаздывала.

После этого я нахмурился и решил выдержать паузу, так что дальше мы шли молча, а мадемуазель еще и отвернулась в сторону.

Ее высочество рассказывала брату сказку – кажется, про Chapeau Rouge[5 - Красная Шапочка (фр.)], во всяком случае до меня долетели слова: «Et elle est alle a travers le for?t pour voir sa grandmaman»[6 - И она пошла через лес, чтобы навестить бабушку (фр.)]. Михаил Георгиевич, очень гордый новым матросским костюмчиком, старался вести себя по-взрослому и почти не шалил, только время от времени начинал скакать на одной ножке и один раз бросил на землю свою синюю шапочку с алым помпоном.

Несмотря на хмурый день, на дорожках парка все же изредка попадались гуляющие. Дело в том, что, как мне объяснил мой московский помощник, в обычное время Нескучный парк недоступен для публики, и его ворота открылись лишь в связи с торжествами, да и то всего на несколько дней – до девятого мая, когда высочайшая чета переедет сюда из Петровского дворца. Неудивительно, что кто-то из москвичей решил воспользоваться редкой возможностью побродить по заповедным куцам, не устранившись непогоды.

Примерно на половине дороги к Эрмитажу нам повстречался элегантный господин средних лет. Он учтиво приподнял цилиндр, причем обнажились гладкие черные волосы и седые виски; пылливо, но, впрочем, не нарушая приличий, взглянул на Ксению Георгиевну и прошел себе мимо. Я бы не обратил на этого человека никакого внимания, если бы ее высочество вдруг не обернулась ему вослед, а за нею и мадемуазель Деклик. Тут уж и я позволил себе оглянуться.

Изящный господин неспешно шагал дальше, помахивая тросточкой – решительно ничего такого, из-за чего великой княжне и гувернантке следовало бы оглядываться, я в его фигуре не обнаружил. Зато сзади, в том же направлении, что и мы, шел человек действительно примечательной наружности: широкоплечий, коренастый, с косматой черной бородой. Он обжег меня свирепыми, черными, как уголья, глазами и принялся насвистывать какую-то неизвестную мне шансонетку.

Этот субъект показался мне подозрительным, и я мысленно пообещал себе, что вплоть до повторного закрытия парка гулять мы здесь больше не станем. Мало ли какой, прошу прощения, швали придет фантазия устроить здесь променады.

Словно в подтверждение этого моего опасения навстречу нам из-за поворота выкатился кривоногий приземистый разносчик-китаец с лотком своих сомнительных товаров. Бедняга, видно, думал, что гуляющих в парке будет

много больше, да только с погодой ему не повезло.

Его высочество, завидев живого китайца, вырвал ручку и со всех ног бросился к узкоглазому коротышке.

- Хочу! – крикнул Михаил Георгиевич. – Вот это хочу!

И показал пальчиком на ядовито-розовый леденец в виде пагоды.

- Ne montrez pas du doigt![7 - Не показывайте пальцем! (фр.)] – немедленно вскричала мадемуазель.

А Ксения Георгиевна догнала брата, снова взяла за руку и спросила:

- A quoi bon tu veux ce truc?[8 - Зачем тебе эта дрянь? (фр.)]

- Je veux, c'est tout![9 - Хочу, и всё! (фр.)] – отрезал его высочество и выпятил подбородок, проявив замечательную для своего возраста настойчивость, а настойчивость – отличный фундамент для развития характера.

- Ах, Афанасий, купи ему, – обернулась ко мне Ксения Георгиевна. – Он теперь не отстанет. Разок лизнет и бросит.

У великой княжны собственных денег не было, и я вообще не думаю, чтобы ее высочество знала, как они выглядят и что сколько стоит. Да и к чему ей это?

Я взглянул на мадемуазель, ибо решать было ей. Она наморщила нос и пожала плечами.

Китаец, надо отдать ему должное, не предпринимал никаких попыток навязывать свой кошмарный товар и только таращился бессмысленными щелочками на ее высочество. Иной раз меж китайцев встречаются истинные красавцы – тонколицые, белокожие, с изысканными движениями, а этот был сущий урод. Физиономия плоская, круглее блина, короткие волосы торчат ежом.

- Эй, ходя, что стоит вот это? – показал я на пагоду, доставая кошелек.

– Рубрь, – ответил наглый азиат, видимо, поняв по моему виду, что торговаться я с ним не стану.

Я дал вымогателю «канарейку», хотя леденцу была красная цена пятак, и мы двинулись дальше, причем его высочеству немудрящее лакомство, кажется, пришлось по вкусу – во всяком случае, выброшен леденец не был.

В дальнем конце боковой аллеи показалась ограда Эрмитажа, и мы повернули в том направлении. Идти оставалось никак не более сотни саженей.

На ветке закаркала ворона – громко, заполошно, и я поднял голову. Птицы не увидел, лишь клочья серого неба меж темной листвы.

Кажется, ничего бы не пожалел, только бы остановить то мгновение, потому что ему суждено было поделить мое существование на две половины: всё разумное, предсказуемое, упорядоченное осталось в прежней жизни, а новая сплошь состояла из безумия, кошмара и хаоса.

* * *

Сзади раздался звук быстро приближающихся шагов. Я удивленно оглянулся – в самый последний миг перед тем, как мне на голову обрушился удар чудовищной силы. Успел увидеть невыразимо страшное, перекошенное яростью лицо давешнего бородача и полетел наземь, на секунду потеряв сознание. Я говорю «на секунду», потому что, когда я оторвал от земли очень тяжелую, будто залитую свинцом голову, бородач был всего в нескольких шагах. Он отшвырнул в сторону Михаила Георгиевича, схватил ее высочество за руку и потащил назад, мимо меня. Мадемуазель растерянно застыла на месте, я тоже был, как замороженный. Поднес руку ко лбу, вытер что-то мокрое, посмотрел – кровь. Не знаю, чем он меня ударил, кастетом или свинчаткой, но деревья и кусты вокруг качались, как морские волны в шторм.

Бородач по-разбойничьи свистнул, и из-за поворота – того самого, откуда мы совсем недавно вышли, выкатила черная карета, запряженная парой вороных. Возница, в широком черном дождевике, с криком «тпру!» натянул вожжи, из еще не остановившегося экипажа выпрыгнули двое мужчин тоже в черном и

побежали в нашем направлении.

Это похищение, вот что это такое – произнес внутри меня очень спокойный, негромкий голос, и деревья вдруг перестали качаться. Я привстал на четвереньки, крикнул мадемуазель: «Emportez le grand-duc!»[10 - Унесите великого князя! (фр.)] и обхватил за колени бородатого, который как раз поравнялся со мной.

Он не выпустил руку ее высочества, так что мы все трое повалились на землю. Силой меня природа не обидела, у нас в роду все крепкие, а в юности я служил дворцовым скороходом, что тоже изрядно укрепляет мускулатуру, поэтому руку, которой злодей держал Ксению Георгиевну за край платья, я разжал без труда, только проку от этого вышло мало. Освободившимся кулаком он ударил меня в челюсть, а ее высочество даже не успела подняться на ноги – двое в черном были уже рядом. Они подхватили великую княжну под локти и, приподняв, бегом понесли к карете. Хорошо хоть мадемуазель успела спасти Михаила Георгиевича – краем глаза я видел, как она, подхватив мальчика на руки, ныряет в кусты.

Мой противник оказался ловок и силен. Он ударил меня еще раз, а когда я попытался ухватить его за горло, сунул руку за пазуху и выхватил финский нож с зазубринами на лезвии. Эти самые зазубрины я увидел так отчетливо, словно их поднесли к самым моим глазам.

– Забие яко пса! – прошипел страшный человек как-то не вполне по-русски, выпучив налитые кровью глаза, и размахнулся.

Я хотел вспомнить слова молитвы, но почему-то не получилось, хотя, казалось бы, когда и молиться, если не в такую минуту?

Нож занесся высоко, чуть не в самое небо, но так и не опустился. Волшебным образом запястье руки, что держала клинок, оказалось перехваченным пальцами в серой перчатке.

Лицо бородача, и без того перекошенное, искривилось еще больше, я услышал чмокающий звук удара, и мой несостоявшийся убийца мягко завалился на сторону, а вместо него надо мной стоял давешний элегантный господин в цилиндре, только в руке у него была уже не тросточка, а тонкий, длинный

клинок, запачканный красным.

– Живы? – спросил мой спаситель по-русски и тут же, обернувшись назад, крикнул что-то на неведомом мне наречии.

Я приподнялся и увидел, что по дорожке, ужасно топя и по-бычьи наклонив голову, несется разносчик-китаец, уже без лотка, но зато со странным приспособлением: крутит над головой небольшой металлический шар на веревочке.

– Ййя! – противно крякнул азиат, и шар сорвался вперед, просвистев в нескольких вершках надо мной.

Я дернулся посмотреть, куда это он летит с такой скоростью. Выяснилось, что прямо в затылок одному из похитителей. Послышался нехороший треск, и ушибленный упал лицом вниз. Второй выпустил княжну, проворно развернулся и вынул из кармана револьвер. Теперь у меня появилась возможность разглядеть этого человека получше, но лица я все равно не увидел, ибо оно было под черной матерчатой маской.

Возница, что сидел на козлах, скинул свой дождевик и оказался в таком же черном наряде, что и двое остальных, разве что без маски. Он спрыгнул на землю и побежал в нашу сторону, тоже что-то вытягивая из кармана.

Я повернулся взглянуть на своего спасителя (вообще, должен со стыдом признаться, что в эти драматические мгновения я совершенно потерялся и только вертел головой туда-сюда, едва поспевая уследить за событиями). Элегантный господин, коротко взмахнув, метнул свой клинок, но попал или нет, я не видел, потому что моему взору открылось зрелище еще более невероятное: из кустов выскочила мадемуазель Деклик с увесистым суком в руке и, подобрав другой рукой юбку, так что показались стройные щиколотки, побежала к нам! С нее слетела шляпка, волосы у висков растрепались, но никогда еще она не казалась мне такой привлекательной.

– Je viens! – кричала она. – Je viens![11 - Я иду! Иду! (фр.)]

Только тут до меня дошла вся позорность моего поведения. Я поднялся на ноги и кинулся на выручку незнакомому господину и китайцу.

Увы, в моей помощи уже не нуждались.

Обнаружилось, что брошенный клинок достиг цели – человек в маске лежал на спине и вяло перебирал ногами, а из его груди торчала полоска стали, заканчивавшаяся серебряным набалдашником. Теперь стало понятно, откуда у красивого господина взялась шпага – она была спрятана в трости.

Что до возницы, то с ним превосходным образом управился проворный китаец. Прежде чем бандит успел выудить из кармана оружие, азиат высоко подпрыгнул и с разгону ударил противника ногой в подбородок. От толчка сокрушительной силы голова кучера мотнулась назад, да так резко, что не выдержали бы никакие, даже самые накрепчайшие шейные позвонки. Раскинув руки, возница рухнул навзничь.

К моменту, когда к нам троим присоединилась мадемуазель со своим грозным суком, всё уже было кончено.

Первым делом я помог подняться ее высочеству – слава богу, она была совершенно цела, только находилась в понятном ошеломлении.

Потом повернулся к незнакомцу.

– Кто вы, сударь? – спросил я, хотя, конечно, следовало бы сначала поблагодарить его за спасение, кто бы он ни был. – И кто эти люди, что на нас напали?

Ксения Георгиевна исправила мою оплошность. Вот что значит августейшая кровь – даже в такую минуту, еще не придя в себя, сделала то, что должно: проявила учтивость и определила свой статус.

– Благодарю вас, – сказала она, внимательно глядя на bruneta с седыми висками. – Вы всех нас спасли. Я – великая княжна Ксения Георгиевна. Мальчик, который был со мной – Мика, великий князь Михаил Георгиевич. А это мои друзья – госпожа Деклик и господин Зюкин.

Незнакомец почтительно поклонился ее высочеству, снял цилиндр, который невзирая на все потрясения каким-то чудом удержался на его голове и, запнувшись (вероятно, от понятного стеснения перед лицом августейшей особы) назвал себя:

– Эраст П-петрович Фандорин.

И ничего более не прибавил, из чего можно было заключить, что ни на какой службе господин Фандорин не состоит и является частным лицом.

– А это мой к-камердинер или, быть может, д-дворецкий, не знаю, как правильнее. Его зовут Маса, он японец, – показал Фандорин на драчливого разносчика, и тот, в свою очередь, низко, в пояс, поклонился, да так и остался согнутым.

Итак, получалось, что элегантный господин вовсе не смущен, а просто слегка заикается; что китаец – никакой не китаец; и, наконец, что мы с азиатом в некотором роде собратья по профессии.

– А кто эти люди, Эраст Петрович? – спросила ее высочество, боязливо показывая на незадачливых похитителей, лежавших совершенно безо всякого движения. – Они в обмороке?

Прежде чем ответить, брюнет поочередно подошел к каждому из лежавших, пощупал им шейную артерию и четырежды покачал головой. Последним, кого он проверил подобным образом, был страшный бородач. Фандорин перевернул его на спину, и даже мне, человеку, в подобных делах несведущему, стало ясно, что человек этот мертв – слишком уж неживым блеском посверкивали его неподвижные глаза. Но Фандорин наклонился над трупом пониже, взял двумя пальцами за бороду и вдруг сильно потянул.

От неожиданности ее высочество вскрикнула, да и мне подобное амикошонство со смертью показалось неприличным. Однако длинная черная борода легко отделилась от лица и осталась в руке Фандорина.

Я увидел, что багровая физиономия мертвеца изрыта оспинами, а на щеке белеет раздвоенный шрам.

– Это известный варшавский бандит, некто Лех Пендерецкий, по п-прозвищу Близна, что означает «Меченый» или «Шрам», – спокойно, словно представляя хорошего знакомого, объявил Фандорин и добавил как бы про себя. – Так вот в чем тут дело...

– Неужто все эти люди мертвы? – спросил я и вдруг содрогнулся, осознав, в какое ужасное положение из-за этой истории может попасть весь августейший дом.

Если сейчас сюда заглянет кто-нибудь из гуляющих, разразится скандал на весь мир. Подумать только – попытка похищения двоюродной сестры русского царя! Четверо убитых! И еще какой-то варшавский бандит! Вся торжественность священного коронационного действия будет нарушена!

– Их нужно немедленно убрать в карету! – воскликнул я с несвойственной мне в обычных условиях горячностью. – Не согласится ли ваш дворецкий мне помочь?

Пока мы с японцем сваливали трупы в экипаж, я ужасно нервничал, не застигнет ли нас кто-нибудь за этим малопочтенным занятием. Да и само это дело было для меня не сказать чтобы привычным – мало того, что по моему лицу стекала кровь из разбитого лба и рассеченной губы, но я еще и запачкал чужой кровью новый прогулочный камзол.

Поэтому я не слышал, о чем беседовали ее высочество и Фандорин. Судя по румянцу на ее щеках, она, должно быть, снова благодарила этого таинственного господина за спасение.

– Где его высочество? – спросил я мадемуазель, едва отдышавшись. – Теперь можно вести его сюда.

– Я оставила его в... – Она пощелкала пальцами, вспоминая слово, но так и не вспомнила. – *La gloriette*. Говохилка? Хазговохка?

– Беседка, – подсказал я. – Идемте вместе. Его высочество, должно быть, очень напуган.

За кустами открылась довольно широкая лужайка, посередине которой белела деревянная кружевная беседка.

Не обнаружив в ней Михаила Георгиевича, мы стали звать его, решив, что великий князь вздумал поиграть с нами в прятки.

На крики пришел Фандорин. Он осмотрелся по сторонам и вдруг присел на корточки, разглядывая что-то в траве.

Это был розовый китайский леденец, раздавленный чем-то тяжелым – вероятно, каблуком.

– Черт, черт, черт! – вскричал Фандорин, ударив себя кулаком по ляжке. – Я должен был это предвидеть!

И бросился напролом через кусты.

7 мая

Не стану описывать событий вечера и ночи, последовавших за исчезновением его высочества, потому что никаких событий, собственно, и не было. Главной заботой лиц, осведомленных о случившемся, было сохранение тайны, и поэтому внешне всё выглядело так, будто совершенно ничего не произошло, разве что ежеминутно трезвонили телефоны, да еще слишком уж отчаянным аллюром носились верховые по треугольнику Эрмитаж – Петровский дворец – генерал-губернаторская резиденция.

Вся эта тщательно скрываемая, но весьма активная (чтобы не сказать суматошная) деятельность не дала ровным счетом никаких результатов, ибо непонятно было самое главное: кому и зачем понадобилось похищать маленького кузена его величества.

А прояснилась загадка только утром, когда с обычной городской почтой в Эрмитаж доставили письмо без какого-либо штемпеля – сам почтальон не мог объяснить, откуда оно такое взялось у него в сумке.

Из-за этого самого письма государь, успевший с утра принять своих благодарных азиатских подданных – его светлость эмира Бухарского и его высокостепенство хана Хивинского, в последний миг отменил парад на Ходынском поле под предлогом дождливой и холодной погоды, а сам тайным образом, в обычной закрытой карете, на козлах которой сидел его личный камердинер Дормидонт Селезнев, и в сопровождении одного только начальника дворцовой полиции прибыл к нам в Эрмитаж. Вот когда проявилось главное достоинство этого паркового дворца, явствующее из его названия, – отдаленность и уединенность.

Таким же конспиративным манером прибыли дядья его величества великие князья Кирилл Александрович и Симеон Александрович: первый один (на козлах сидел его дворецкий Лука Емельянович), второй с адъютантом князем Глинским (лошадьми правил самый уважаемый из всех ныне здравствующих дворецких, можно сказать, старейшина нашего цеха Фома Аникеевич).

У нас в доме о чрезвычайном происшествии кроме Семьи знали я и мадемуазель Деклик, англичане (потому что утаить от них все равно было бы невозможно) и лейтенант Эндлунг (по той же самой причине и еще потому, что у Павла Георгиевича не имелось секретов от своего беспутного друга). Слугам, живущим в доме, я ничего объяснять не стал и только запретил под каким-бы то ни было предлогом покидать пределы Эрмитажа. Будучи природными дворцовыми служителями, они никаких вопросов задавать не стали. А московским, что квартировали над конюшней, было объявлено, что его высочество уехал погостить в Ильинское, в загородный дворец его дяди генерал-губернатора.

Екатерине Иоанновне в Петербург, разумеется, ничего сообщать не стали. Зачем зря волновать ее высочество? Да и потом, вплоть до прибытия зловещего письма, у всех нас жила надежда, что произошло какое-то недоразумение и Михаил Георгиевич в самом скором времени вернется в Эрмитаж здоровым и невредимым.

Нужно ли говорить, что ночью я почти не сомкнул глаз? Мне мерещились картины одна страшнее другой. То представлялось, что его высочество провалился в какую-нибудь неприметную, заросшую травой расселину, и я за полночь, уже в который раз, гнал слуг с факелами осматривать парк, выдумав, будто Ксения Георгиевна, гуляя, обронила алмазную сережку. Потом, уже вернувшись к себе, я вдруг представил, что Михаил Георгиевич стал жертвой

какого-нибудь похотливого чудовища, охотящегося на маленьких мальчиков, и у меня от ужаса застучали зубы, так что пришлось выпить валериановых капель. Но вернее всего, конечно, выглядело предположение, что великий князь похищен сообщниками фальшивого бородача по прозвищу Меченый. Пока мы сражались с одними бандитами за Ксению Георгиевну, другие увезли беззащитного Михаила Георгиевича – тем более, что неподалеку от роковой лужайки обнаружались следы от колес еще одной кареты, и, судя по всему, свежие.

Но и эта мысль, при всей своей кошмарности менее чудовищная, чем предыдущие, была мне мучительна. Как-то сейчас его высочеству среди чужих, злых людей? Ему, маленькому Мике, нежному, балованному мальчику, который вырос в убеждении, что все вокруг его любят, что все – его друзья? Он ведь даже не знает, что такое страх, потому что ничего страшнее легкого шлепка по филейной части с ним никогда не случилось. Его высочество так открыт, так доверчив!

К мадемуазель я боялся даже подойти. Весь вечер она была словно окаменевшая и даже не пыталась оправдываться, только ломала руки и кусала губы, один раз до крови – я увидел и хотел дать ей свой платок, потому что она даже не заметила стекающей алой капли, но не решился, чтобы не ставить ее в неловкое положение. Ночью она тоже не спала – я видел свет, пробивавшийся из-под двери и слышал звук шагов. С того момента, когда ее кончил допрашивать московский обер-полицмейстер Ласовский, мадемуазель Деклик заперлась у себя в комнате. Я два, даже три раза в течение ночи подходил и прислушивался. Гувернантка всё ходила взад-вперед, будто заведенная. Мне очень хотелось под каким-нибудь предлогом постучаться к ней и сказать, что никто не считает ее виновной в случившемся, а я так даже восхищен ее храбростью. Но стучаться к даме среди ночи было совершенно невыносимо. Да и все равно я не знал бы, как с ней говорить.

* * *

Тайное совещание в высочайшем присутствии проводилось наверху, в малой гостиной, подальше от англичан, которые, впрочем, с присущей этой нации деликатностью сразу после прибытия его величества отправились гулять в сад, хотя лил немилосердный дождь и погода к прогулкам никак не располагала.

Прислуживал я сам. Никого из лакеев допускать на это секретное собрание, разумеется, было невозможно, к тому же я в любом случае считал бы своим долгом и почетной обязанностью лично обслуживать столь блестящее общество.

Непосвященному трудно себе представить всю сложность этого высокого искусства. Тут требуются неукоснительная внимательность, идеальная расторопность и – что особенно важно – полнейшая незаметность. Ты словно превращаешься в некую тень, в человека-невидимку, которого очень скоро перестают замечать. Ни в коем случае нельзя отвлекать участников важного совещания резким движением или звуком, даже произвольным скольжением тени по столу. В такие минуты я люблю воображать себя бесплотным хозяином заколдованного замка из сказки «Аленький цветочек», потчующим дорогих гостей: напитки сами по себе наливаются в бокалы и чашки, спички вспыхивают и подносятся к сигарам без чьей-либо помощи, из пепельницы то и дело чудесным образом исчезает накопившийся пепел. Когда Симеон Александрович один раз уронил на пол карандаш (у его высочества привычка все время рисовать на бумаге чертиков и амурчиков), я был наготове – не полез под стол, что обратило бы на себя внимание, а тут же сзади протянул генерал-губернатору другой карандаш, точно такой же.

Должен с гордостью сказать, что никто из участников этого деликатнейшего и в некотором роде судьбоносного для судеб династии совета ни разу не понизил голоса – по-моему, это высшая степень отличия для слуги. Правда, разговор то и дело переходил на французский, но это происходило не из-за меня, а просто потому, что его величеству и их высочествам, в сущности, все равно, по-русски беседовать или по-французски. Если бы им было угодно скрыть от меня содержание той или иной части обсуждения, они заговорили бы по-английски, ибо, как я уже сообщал, мало кто из дворцовых служителей старшего поколения владеет этим наречием, а по-французски говорят почти все. Точнее, не говорят, а понимают, поскольку было бы весьма странно, если бы я, Афанасий Зюкин, вдруг обратился к кому-то из августейшей семьи или придворных на французском. Нужно знать свое место и не изображать из себя то, чем не являешься – вот золотое правило, руководствоваться которым я посоветовал бы всем, вне зависимости от происхождения и занимаемого положения.

Государь, известный своим патриотизмом, единственный из присутствующих все время говорил только по-русски. Оказалось, что его величество помнит меня по тому времени, когда я состоял при столовой покойного государя тафельдеккером. Еще внизу, у входа, император изволил сказать мне:

«Здравствуйте, Афанасий Степанович. Это вы распорядились повесить балдахин с моим вензелем? Очень красиво, благодарю».

Изысканная вежливость его величества и поразительная способность запоминать имена и лица общеизвестны. Собственно, всех великих князей с раннего детства специально обучают развивать память, для этого существует особая метода, но способности его величества по этой части воистину необыкновенны. Раз увидев человека, государь запоминает его навсегда, что производит на многих огромное впечатление. Что же до вежливости, то из всей августейшей семьи только царь и царица говорят прислуге «вы». Может быть, поэтому мы, служители, испытывая к их величествам должное благоговение, в то же время не очень-то... Впрочем, молчание. О таком не говорят. И даже не думают.

Государь сидел во главе стола, был хмур и молчалив. Рядом со статными, высокими дядьями его величество казался совсем маленьким и невзрачным, почти подростком. Про нашего Георгия Александровича и говорить нечего – истинный человек-гора: красивый, тучный, с лихо подкрученными усами, да еще и в ослепительной адмиральской форме, по сравнению с которой скромный полковничий мундир императора выглядел довольно убого. Симеон Александрович, самый высокий и стройный из братьев покойного государя, со своим правильным, будто высеченным изо льда лицом похож на средневекового испанского гранда. А старший, великий князь Кирилл Александрович, командующий императорской гвардией, не столь красив, как братья, но зато истинно величественен и грозен, ибо унаследовал от венценосного деда прославленный взгляд василиска. Бывало, что некоторые провинившиеся по службе офицеры от этого взора и сознание теряли.

Юный Павел Георгиевич в присутствии дуайенов императорского дома держался тише воды ниже травы и даже не смел закурить. А еще присутствовал начальник дворцовой полиции полковник Карнович, немногословный господин очень больших возможностей и крайне скупых сантиментов. Этот и вовсе сидел не за столом, а пристроился в уголочке.

В коридоре на стуле дожидался наш вчерашний спаситель господин Фандорин. Я получил приказание поселить его в доме и за неимением иного помещения разместил в детской, справедливо рассудив, что этот господин будет

находиться в Эрмитаже как раз до того момента, когда Михаил Георгиевич вернется к себе. Японца я хотел было отквартировать на конюшню, но он пожелал жить вместе со своим господином. Провел ночь на полу, подложив под голову плюшевого медведя, и, судя по лоснящейся физиономии, отлично выспался. Фандорин же не ложился вовсе, до самого рассвета всё рыскал по парку с электрическим фонарем. Обнаружил ли что-то – мне было неизвестно. Ни в какие объяснения ни с обер-полицмейстером, ни тем более со мной он пускаться не стал – сказал лишь, что доложит обо всём, что ему известно, лично государю императору.

Вот об этом-то загадочном господине и зашла речь почти сразу же после начала совещания.

То есть началось всё не с разговора, а с чтения – каждый из сидящих по очереди прочитал (или перечитал еще раз) полученное письмо, о содержании которого я еще ничего не знал.

Потом все обернулись к государю. Я затаил дыхание, чтобы в точности услышать, какими словами его величество откроет эту экстренную встречу.

Государь смущенно кашлянул, пробежал взглядом исподлобья по лицам присутствующих и тихо сказал:

– Это ужасно. Просто ужасно. Дядя Кир, что же теперь делать?

Император сказал свое слово, этикет был соблюден, и председательство как-то само собой перешло к Кириллу Александровичу, считавшемуся негласным соправителем в предшествующее царствование и еще более укрепившему свое положение при новом государе.

Его высочество медленно, веско молвил:

– Прежде всего, Ники, выдержка. От того, как ты станешь держаться, зависит судьба династии. В эти дни на тебя будут устремлены тысячи глаз, в том числе и очень, очень пронизательных. Ни малейшего смятения, ни тени тревоги – ты меня понял?

Государь неуверенно кивнул.

– Мы все должны делать вид, что ничего не произошло. Я понимаю, Джорджи, – обернулся Кирилл Александрович к Георгию Александровичу, – как тебе это тяжело. Ты – отец. Но и ты, и Полли, и Ксения должны быть веселы и безмятежны. Если распространится слух, что какие-то аферисты на глазах у всего мира похитили кузена русского царя, престиж Романовых, и без того подмоченный злодейским убийством отца, будет совершенно подорван. А ведь в Москву прибывают восемь иноземных наследных принцев, четырнадцать глав правительств, три десятка чрезвычайных посольств...

Симеон Александрович, швырнув на стол карандаш, перебил старшего брата:

– Это просто бред! Какой-то доктор! Что это? Кто это? Он просто сумасшедший! «Орлова» ему подавай! Какова наглость!

Из слов московского генерал-губернатора я ничего не понял. Доктор? Орлов? Который из Орловых – обер-камергер или товарищ министра внутренних дел?

– Да-да, в самом деле, – кивнул его величество. – Известно ли что-нибудь про этого доктора Линда?

Кирилл Александрович обернулся к начальнику дворцовой полиции, которому по должности полагалось знать про всё, представляющее хотя бы мало-мальскую угрозу для августейшей фамилии, а стало быть, вообще про всё на свете.

– Что скажете, Карнович?

Полковник встал, поправил очки с синими стеклами и прошелестел совсем негромким, но удивительно отчетливым голосом:

– Преступника с таким именем на территории Российской империи до сих пор не было.

И снова сел.

Наступила пауза, и я почувствовал, что настал момент, когда я должен выйти из роли бесплотной тени.

Я осторожно кашлянул, а поскольку в гостиной царило полнейшее молчание, этот звук прозвучал достаточно явственно. Кирилл Александрович и Симеон Александрович изумленно обернулись, словно впервые заметив мое присутствие (впрочем, не исключаю, что так оно и было), а Георгий Александрович, хорошо знавший, что я скорее подавлюсь собственным кашлем, чем осмелюсь без нужды привлечь внимание к своей персоне, спросил:

- Ты хочешь что-то сообщить, Афанасий?

Здесь уж на меня обратили взоры и все остальные высокие особы, к чему я совершенно не привык, так что не смог унять некоторого дрожания голоса.

- О господине Фандорине, том самом, что вчера... оказался свидетелем злодеяния. - Я справился с волнением и продолжил уже ровнее. - Сегодня утром, когда по известной причине у нас в доме наблюдалось некоторое волнение, господин Фандорин сидел на террасе и преспокойным образом курил сигару...

Симеон Александрович раздраженно оборвал меня:

- Ты и в самом деле полагаешь, что нам и государю императору так уж необходимо знать, как провел утро господин Фандорин?

Я немедленно умолк и поклонился его высочеству, не смея продолжать.

- Помолчи, Сэм, - резко прикрикнул на младшего брата Георгий Александрович.

У Симеона Александровича есть несчастливая особенность - его никто не любит. Ни родственники, ни приближенные, ни москвичи, ни даже собственная супруга. Такого человека любить трудно. Говорят, покойный государь для того и назначил его генерал-губернатором в Москву, чтобы пореже видеть. И еще для того чтобы удалить от двора окружение его высочества, всех этих смазливых адъютантиков и подкрашенных секретарей. Увы, обыкновения Симеона

Александровича ни для кого секретом не являются – о них судачит всё общество. Вот и сегодня, едва войдя в прихожую (и прибыл-то самым последним, уже после государя), его высочество с оживлением спросил меня: «А что это за красавчика я повстречал сейчас на лужайке? Этакое тоненького, с желтыми волосами?» Я почтительно объяснил великому князю, что это, верно, был англичанин мистер Карр, но внутренне испытал некоторое потрясение – как можно, зная причину, по которой созвано чрезвычайное совещание, давать волю своим наклонностям? Да дело даже не в наклонностях – очень уж у его высочества характер нехорош.

– Говори дальше, Афанасий, – велел мне Георгий Александрович. – Мы все тебя внимательно слушаем.

Я не мог не отдать должное выдержанности и мужеству моего господина. Обыкновенный человек, отец похищенного ребенка, метался бы, кричал, рвал на себе волосы, а его высочество ни на миг не утратил контроля над собой, разве что курил папиросы одну за одной. В такие минуты особенно остро сознаешь, какой высокий почет и какая несказанная ответственность служить персонам императорской крови. Это особенные люди, не чета все прочим.

– Осмелюсь доложить, – продолжил я, – такая невозмутимость со стороны лица, осведомленного о случившемся несчастье, показалась мне странной. Я подошел к господину Фандорину и спросил, не удалось ли ему обнаружить в парке еще каких-нибудь следов. Он ответил: «Вторая карета, что стояла близ лужайки, с которой похитили мальчика, уехала в направлении Большой Калужской. Служитель у парковых ворот видел быстро движущийся экипаж с плотно задвинутыми шторами на окнах». «Так что же вы молчите? – говорю ему я. – Нужно немедленно сообщить в полицию!» А он мне уверенно так: «Что толку? Теперь ничего не сделаешь». И присовокупил следующее.

Тут я намеренно сделал маленькую паузу и повторил слова Фандорина в точности, как запомнил:

– «Нужно ждать письма от Линда». Да, именно так: «Нужно ждать письма от Линда». Я, признаться, не понял, про какое письмо он толкует, а последнего слова и вовсе не разобрал. Но теперь точно припоминаю, он сказал «Линд». Затем меня позвали к телефону, и разговор прервался. Однако же получается, что господин Фандорин заранее знал про письмо и про Линда. Позволю себе также обратить внимание вашего императорского величества и ваших

императорских высочеств на то обстоятельство, что вчера господин Фандорин возник на месте похищения явно не случайно. Для случайного прохожего он действовал слишком решительно, говорил довольно странные вещи и опознал предводителя разбойников – назвал фамилию «Пендерецкий».

Полковник Карнович подал голос из своего угла:

– А вот про Леха Пендерецкого по прозвищу Близна я кое-что выяснил. Это один из предводителей преступного мира Царства Польского. Налетчик, вымогатель, убийца, но осторожен и ловок – до сих пор взять его с поличным не удавалось. По слухам, Близна имеет связи с уголовными сообществами многих стран Европы. Труп отправлен в морозильном вагоне на опознание в Варшаву, но, судя по приметам и данным бертильонажа, это и в самом деле Пендерецкий.

– Откуда же Фандорин знал про этого субъекта? – задумчиво произнес Кирилл Александрович.

Симеон Александрович зло усмехнулся:

– Ну, это легко выяснить. Нужно арестовать Фандорина и как следует допросить. Всё выложит. Мой Ласовский умеет языки развязывать. Как гаркнет – мне и то не по себе делается.

И его высочество засмеялся, очень довольный шуткой, но никто из присутствующих его веселья не разделил.

– Дядя Кир, дядя Сэм, – мягко сказал его величество, – вы произносите имя этого Фандорина так, как будто оно вам известно. Кто это такой?

За великих князей ответил начальник дворцовой полиции. Вынув из кармана какой-то листочек, он доложил:

– Фандорин, Эраст Петрович. Сорока лет. Православного вероисповедания. Потомственный дворянин. Кавалер... многих орденов, всех не перечислишь. Статский советник в отставке. Почти десять лет состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Долгоруком.

– М-да, снова Фандорин, – протянул Кирилл Александрович, глядя в окно, словно припоминая какую-то давнюю историю. – Интересно, где он пропадавал все эти годы?

Из этих слов я сделал вывод, что его высочество и в самом деле знаком с отставным статским советником.

Тут оказалось, что Симеон Александрович знает этого господина еще лучше, причем, кажется, не с самой лестной стороны.

– Фандорин пять лет не показывал в Москву носа, – скривив губы, сообщил генерал-губернатор. – Знает, шельма, что у меня в городе ему делать нечего. Это, Ники, авантюрист наихудшего сорта. Коварный, изворотливый, скользкий, нечистоплотный. Как мне докладывали, убравшись из России, преуспел во всяких темных делах. Успел наследить и в Европе, и в Америке, и даже в Азии. Признаться, я слежу за перемещениями этого господина, потому что у меня к нему свой счет... Так вот, мне доносят из верных источников, что Фандорин пал ниже некуда: ведет расследования по заказу частных лиц и не брезгует брать вознаграждение – кажется, немалое. Дело в том, что среди его клиентов (это слово Симеон Александрович произнес с особенной брезгливостью) попадаются и денежные тузы и даже, к сожалению, иностранные государи. За пять лет Фандорин стяжал себе этими пакостными занятиями определенную известность. Не сомневаюсь, что ему ведомы многие грязные тайны, но в нашем семейном деле мы как-нибудь обойдемся без его сомнительных услуг. У меня отлично работает полиция, и мой Ласовский выловит этого самого доктора в два счета.

– Прошу прощения вашего высочества, – с невозмутимым видом вставил Карнович, – но защита императорской семьи относится к компетенции моего ведомства, и, смею вас уверить, мы превосходно справимся с этой миссией без участия московской полиции и уж тем более без помощи сыщиков-любителей. – Полковник слегка улыбнулся и уже совсем тихо, как бы про себя, прибавил. – Тоже еще Шерлок Холмес выискался.

– О, полковник, Фандорин – очень даже не любитель, – возразил ему Кирилл Александрович. – Это необычайно способный человек. Если кто и может помочь нам в этом сложном и деликатном деле, то только он. К тому же он что-то знает про этого мерзавца Линда. Немаловажно и то, что, будучи частным лицом, Фандорин совершенно не стеснен в методах. Нет, Ники, без этого человека нам не обойтись. Я даже склонен полагать, что нам его сам Бог послал.

– Чушь! Полнейшая чушь! – Симеон Александрович отшвырнул карандаш в угол и я достал из кармана следующий. – Я решительно возражаю!

Кирилл Александрович, не привыкший к подобному обращению, да и вообще, насколько мне известно, относящийся к младшему брату с нескрываемым презрением, наклонил львиную голову и вперил в генерал-губернатора свой знаменитый испепеляющий взгляд. Симеон Александрович, в свою очередь, упрямо выпятил подбородок, отчего его холеная узкая борода сделалась похожа на корабельный бушприт, и принял самый непреклонный вид.

Возникла тягостная пауза.

– Что же мы решим с этим Фандориным? – жалобно спросил император. – Звать его сюда или нет? Попросить о помощи или арестовать?

Ни тот, ни другой его величеству не ответили, даже взглядом не повели. Тут была давняя, многолетняя вражда, начавшаяся, когда нынешнего государя еще и на свете не было. Только, как говорят по-народному, жидковат Симеон Александрович против Кирилла Александровича. Не было случая, чтобы он взял верх над старшим братцем.

Георгий Александрович, хотя бы и в силу комплекции, гораздо покойнее и добродушнее обоих, но уж если разгневадается – держись. Вот и теперь он вдруг стал наливаться малиновой краской, весь как-то раздулся, так что я испугался, не лопнут ли крючки на воротнике, и стало ясно: сейчас грянет буря.

Его величество не видел этой страшной картины, так как смотрел на Кирилла Александровича и Симеона Александровича. Если бы видел – уж наверняка промолчал бы, а так начал примирительным голосом:

– Дядя Сэм, дядя Кир, выслушайте мое мнение...

Тут-то гром и грянул. Георгий Александрович так хватил с размаху кулаком по столу, что опрокинулось два бокала, треснула кофейная чашка, перевернулась пепельница, а Симеон Александрович от неожиданности подскочил на стуле.

– Помолчи, Ники! – взревел глава Зеленого дома. – И вы оба молчите! Это мой сын похищен, мне и решать! И не забывайте, что лишь благодаря этому, как его, черт, ну этому, на «Ф», спасена моя дочь! Пусть расскажет нам всё, что знает!

И вопрос решился.

Я бесшумно выскользнул из гостиной, чтобы позвать Фандорина. Там сразу за дверью плюшевый занавес, а уж потом коридор, где было велено дожидаться «сыщику-любителю», как его назвал Карнович.

– Ваши усики – прелесть что такое. И щипчиками не обрабатываете? А фиксатуаром? – услышал я нечто странное и на всякий случай выглянул из-за портьеры – посмотреть, кто это изъясняется подобным манером.

Эраст Петрович Фандорин сидел там же, где я его оставил, закинув ногу на ногу, и перебирал в пальцах зеленые нефритовые четки. Голос принадлежал не ему, а адъютанту генерал-губернатора князю Глинскому, изящному молодому человеку с по-девичьи миловидным личиком. Про таких в народе говорят «жаль не девица, а то хоть жениться». Князь стоял над Фандориным, согнувшись, и внимательно рассматривал тонкие, аккуратные усы отставного чиновника. У самого Глинского – теперь я отчетливо разглядел – усики были напояжены, да и губы, кажется, подкрашены. Впрочем, чему удивляться?

– Нет, сударь, я фиксатуаром не пользуюсь, – учтиво ответил Фандорин, глядя на молодого человека снизу вверх и не делая ни малейшей попытки отстраниться.

– Боже, а какие у вас ресницы! – вздохнул адъютант. – Кажется, ничего бы не пожалел за такие длинные, черные, изогнутые на концах. Это ведь натуральный цвет?

– Совершенно натуральный, – все так же благожелательно уверил его Эраст Петрович.

Тут я прервал эту диковинную беседу, пригласив статского советника следовать за мной.

* * *

Удивительно, но, оказавшись перед лицом такого количества августейших особ, Эраст Петрович Фандорин не выказал ни малейшей растерянности. Легкий, но в то же время почтительный поклон, обращенный вроде бы ко всем присутствующим, но в то же время главным образом к его величеству, сделал бы честь чрезвычайному и полномочному посланнику какой-нибудь великой державы.

Кирилл Александрович, только что превозносивший достоинства Фандорина, без каких-либо приветственных слов, резко и, как мне показалось, неприязненно потребовал:

– Расскажите, что вам известно про доктора Линда и вообще про всю эту историю.

Вошедший наклонил голову, как бы давая понять, что вопрос ему понятен, но сказал совсем не то, чего от него ждали. Взгляд его холодных голубых глаз, скользнув по лицам сидящих, остановился на листке бумаги, лежавшем посреди стола.

– Я вижу, письмо получено. Могу ли я ознакомиться с его содержанием?

– Я предупреждал, это наглец, каких мало! – возмущенно воскликнул Симеон Александрович, но Фандорин даже не взглянул в его сторону.

Не обратил внимания на слова брата и Кирилл Александрович.

– Да, Джорджи, прочти письмо вслух. Здесь важно каждое слово.

– Да-да, – подхватил его величество. – Я бы тоже послушал еще раз.

Георгий Александрович брезгливо взял со стола листок и стал читать послание, написанное на французском:

Господа Романовы,

Предлагаю выгодную сделку: маленького принца Романова весом в 10 килограммов на маленького графа «Орлова» весом в 190 карат. Обмен состоится завтра, и не вздумайте подсунуть подделку – у меня свой ювелир. Если согласны, ровно в полдень дайте ответ с семафора Александрийского дворца. Если нет, принц будет вам немедленно возвращен. Частями.

Искренне ваш,

Доктор Линд.

P.S. Прилагаю шифр для светового сигнала.

Я как раз собирался подлить его величеству кофе, да так и застыл с кофейником в руках, причем от потрясения даже пролил на пол несколько капель, чего со мной никогда в жизни не случалось. Чудовищность письма превзошла самые мои худшие опасения. Его высочество – частями? Боже, Боже...

– Что за семафор? – вот единственное, что заинтересовало в этом кошмарном послании Фандорина.

Задавать вопросы в присутствии его величества непозволительно, однако государь не только снисходительно отнесся к такому вопиющему нарушению этикета, но и с всегдашней своей любезностью ответил сам:

– Старинный, световой. Установлен на крыше дворца еще при моем прадеде, а в царствование деда оборудован электрическими огнями для темного времени и пасмурной погоды. С семафора можно посылать световые сигналы, которые видно почти из любой точки города.

Вместо того, чтобы верноподданнейше поблагодарить его величество за милостивое разъяснение, Фандорин лишь задумчиво покивал и уточнил:

– «Орлов» – это, надо полагать, т-тот самый алмаз, которым украшен императорский скипетр?

– Да, – кротко подтвердил государь. – Тот самый, купленный графом Орловым в Амстердаме в 1773 году по поручению Екатерины Великой.

– Невозможно, совершенно немыслимо, – отрезал Симеон Александрович. – Ни о каком обмене не может быть и речи. Это же реликвия!

– Невозможно, – согласился Кирилл Александрович. – Через пять дней торжественный вынос государственных регалий, еще через два дня – коронация. Без скипетра церемония не состоится. Любые деньги – пускай, но «Орлова» ни в коем случае.

Все, словно сговорившись, обернулись к Георгию Александровичу, чье мнение, мнение отца, имело здесь особенную важность.

И великий князь оказался достоин своего положения и звания. На его глаза навернулись слезы, рука непроизвольно оттянула тугой воротник, но голос его высочества был тверд:

– Невозможно. Жизнь одного из великих князей, пусть даже... моего сына (здесь голос Георгия Александровича все-таки дрогнул) не может быть выше интересов монархии и государства.

Вот что я называю августейшим величием – это вершина, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом. Социалисты и либералы пишут в своих газетенках и листовках, что императорский дом купается в роскоши. Это не роскошь, это сияющий ореол российской государственности, и каждый из членов императорской фамилии во имя России готов пожертвовать собственной жизнью и жизнью тех, кого любит.

Комната заколыхалась у меня перед глазами, радужно переливаясь, и я заморгал, стряхивая с ресниц слезы.

– А что если заменить алмаз стразом? – раздался из угла голос полковника Карновича. – Можно изготовить такую копию, что не отличишь.

– За столь короткий срок изготовить п-подделку такого уровня невозможно, – ответил ему Фандорин. – К тому же Линд пишет, что у него имеется собственный

ювелир.

Кирилл Александрович пожал плечами:

– Я одного не понимаю, зачем ему непременно понадобился «Орлов»? Ведь этот камень бесценен, а стало быть, не имеет рыночной цены. Он известен во всем мире, его даже не продашь.

– Отчего же, ваше высочество, – возразил полковник. – Можно распилить его на три-четыре больших алмаза и несколько десятков средних и мелких.

– И за сколько всё это можно продать?

Карнович покачал головой, не зная, что ответить.

– Я в этом немного разбираюсь, – сказал Фандорин. – Три больших алмаза, каратов по пятьдесят, могут стоить примерно по полмиллиона рублей золотом каждый. Мелкие – ну, п-предположим, еще полмиллиона.

– Два миллиона? – просветлел лицом император. – Но мы не пожалеем за нашего дорогого Мику этой суммы!

Фандорин вздохнул:

– Ваше величество, дело здесь вовсе не в двух миллионах. Я манеру Линда знаю. Это шантаж, причем г-гораздо большего масштаба, чем кажется на первый взгляд. Речь идет не просто о жизни одного из одиннадцати кузенов вашего величества. Линд покушается именно на коронацию, отлично понимая, что без «Орлова» церемония невозможна. А жизнь мальчика – лишь средство давления. Смысл угрозы даже не в убийстве великого князя, а в том, что Линд сорвет коронацию и опозорит Россию и династию Романовых на весь мир, подбросив части тела мальчика в самые людные места.

У всех присутствующих, включая и меня, вырвался стон ужаса, а Фандорин неумолимо продолжал:

– Вы говорили, ваше высочество, что во всем мире не сыщешь покупателя на «Орлова». Но покупатель уже есть, причем такой, который не может отказаться от покупки. Этот покупатель – дом Романовых. По сути дела, вам придется выкупить у Линда не великого князя, а алмаз «Орлов», причем по той цене, которую назначит похититель, ведь заодно с камнем на кон поставлены коронация и престиж монархии. Боюсь, это обойдется не в два миллиона. Много, много дороже. И это еще не самое худшее. – Фандорин мрачно опустил голову, и я увидел, что его руки сжались в кулаки. – Вы заплатите за сохранение камня и возвращение великого князя, но Линд не отдаст ребенка живым. Это не в правилах доктора...

Наступила зловещая тишина, но всего на несколько мгновений, потому что Павел Георгиевич, до сей минуту тихо сидевший в самом конце стола, вдруг закрыл лицо ладонями и зарыдал.

– Полли, возьми себя в руки, – сурово сказал ему Кирилл Александрович. – А вы, Фандорин, перестаньте нас пугать. Лучше расскажите про Линда.

* * *

– Это самый опасный преступник на свете, – так начал Фандорин свой рассказ. – Не знаю, почему его называют «доктором». Быть может, из-за того, что он обладает знаниями в самых неожиданных областях. Например, владеет множеством языков. Возможно, и русским – я бы этому не удивился. Про Линда очень мало достоверных сведений. Очевидно, он относительно молод, потому что еще десять лет назад про него никто не слышал. Откуда он родом – неизвестно. Вероятнее всего, американец, потому что самые первые деяния, доставившие ему славу дерзкого и безжалостного злодея, Линд совершил в Северо-Американских Соединенных Штатах. Он начинал с ограбления банков и почтовых вагонов, а позднее превосходно освоил шантаж, вымогательство и похищение людей.

Фандорин говорил, глядя на стол, будто видел в его полированной поверхности отражение каких-то картин из прошлого, доступных лишь его взору.

– Итак, что же я все-таки знаю про этого человека? Он убежденный женоненавистник. Около него никогда не бывает женщин – ни любовниц, ни подруг. Шайка Линда – это исключительно мужской круг. Если угодно, мужское

братство. Доктор словно лишен обыкновенных человеческих слабостей, и из-за этого выйти на его след никому еще не удавалось. Подручные Линда преданы ему по-собачьи, а это в преступных сообществах встречается крайне редко. Я дважды захватывал людей доктора живьем, и оба раза ничего не добился. Один получил пожизненную каторгу, другой наложил на себя руки, но своего главаря они не выдали... Связи Линда в международных криминальных сферах поистине безграничны, авторитет огромен. Когда ему требуются специалисты какого угодно п-профиля – медвежатники, наемные убийцы, граверы, гипнотизеры, взломщики – высшие «мастера» уголовных наук считают за честь оказать ему услугу. Я полагаю, что доктор б-баснословно богат. Лишь за то время, что я им занимаюсь – а это немногим более полутора лет – и лишь по тем делам, которые мне известны, он прибрал к рукам не менее десяти миллионов.

– Франков? – заинтересованно спросил Георгий Александрович.

– Я имел в виду д-доллары. Это примерно двадцать миллионов рублей.

– Двадцать миллионов! – Его высочество даже задохнулся. – А мне казна выделяет жалких двести тысяч в год! Это же в сто раз меньше! И он, мерзавец, еще смеет требовать у меня денег!

– Не у вас, дядя Джорджи, – сухо заметил государь. – У меня. «Орлов» – собственность короны.

– Ники, Джорджи! – прикрикнул на обоих Кирилл Александрович. – Продолжайте, Фандорин.

– У меня было две встречи с доктором Линдом, – сказал Эраст Петрович и запнулся.

В комнате стало очень тихо, только скрипнул стул под полковником Карновичем, так и подавшимся вперед всем телом.

– Право, не знаю, можно ли это назвать «встречами», потому что в лицо мы друг друга не видели. Я был загримирован, Линд – в маске... Наше знакомство состоялось полтора года назад, в Нью-Йорке. Быть может, русские газеты писали о похищении двенадцатилетнего сына миллионера Бервуда? В Америке эта история не сходила с п-первых страниц целый месяц... Мистер Бервуд

попросил меня исполнять обязанности посредника при передаче выкупа. Я потребовал от похитителей, чтобы мне сначала показали пленника. Линд сам повел меня в потайную к-комнату. Доктор был в черной маске, закрывавшей почти всё лицо, длинном плаще и шляпе. Поэтому я заметил лишь, что он среднего роста и что у него усы – впрочем, возможно, наклеенные. Он не произнес при мне ни единого слова, так что г-голоса его я тоже не слышал. – Фандорин сжал губы, словно борясь с волнением. – Мальчик сидел в комнате живой, с заклеенным ртом. Линд позволил мне подойти к нему, а после вывел меня в коридор, запер дверь на три замка и вручил мне ключи. Согласно предварительной договоренности, я передал ему выкуп – перстень Клеопатры ценой в полтора миллиона долларов – и приготовился к схватке, поскольку их было семеро, а я один. Но Линд внимательно осмотрел перстень в лупу, кивнул и удалился в сопровождении своих людей. Я долго возился с замками, так как открывать их оказалось труднее, чем закрывать, а когда, наконец, проник в комнату, Бервуд-младший был мертв.

Эраст Петрович снова сжал губы, так что они побелели, и умолк надолго. Все терпеливо ждали, пока он совладеет с собой – августейшие особы снисходительны к простым смертным, не обладающим их сверхъестественной выдержкой.

– Я не сразу понял, почему мальчик так неподвижен и низко склонил голову. Лишь подойдя вплотную, увидел, что прямо в сердце ему воткнут тонкий стилет! Я не поверил своим г-глазам. Ведь накануне я, ожидая подвоха, тщательнейшим образом осмотрел помещение в поисках замаскированного люка или потайной дверцы и ничего подозрительного не обнаружил. Только потом я вспомнил, как Линд, пропуская меня вперед, задержался возле стула – на секунду, не более. Но ему хватило и этой секунды. Какая точность удара, какой хладнокровный расчет!

Мне показалось, что в тоне Фандорина помимо горечи и лютой, не приглушенной временем ярости звучит невольное восхищение ловкостью этого сатанинского доктора.

– С тех пор я оставил все прочие д-дела – до тех пор, пока не рассчитаюсь с доктором. Не скрою, существенную роль в этом решении сыграло уязвленное самолюбие и пятно, оставленное на моей репутации всей этой историей. Но не только самолюбие... – Фандорин нахмурил высокий лоб. – Этого человека нужно остановить, потому что он – истинный гений зла, наделенный богатейшей

фантазией и беспредельным честолюбием. Иной раз мне кажется, что он поставил себе целью стяжать славу величайшего преступника во всей человеческой истории, а конкурентов на этом поприще у Линда, слава богу, хватает. Я чувствовал, что рано или поздно он устроит какую-нибудь катастрофу национального, а то и международного размаха. Именно это ныне и произошло...

Он снова замолчал.

– Садитесь, Эраст Петрович, – пригласил Кирилл Александрович, и я понял, что речь Фандорина, очевидно, произвела на его высочество благоприятное впечатление – отставного статского советника уже не допрашивали, с ним беседовали. – Расскажите, как вы охотились на доктора Линда.

– Сначала я перевернул вверх дном весь Нью-Йорк, но лишь вынудил доктора перенести свою ставку из Нового Света в Старый. Не стану утомлять ваше величество и ваши высочества описанием своих поисков, но полгода спустя мне удалось выйти на логово Линда в Лондоне. И я увидел доктора во второй раз – вернее, лишь его тень, убегавшую от преследователей по туннелю лондонского метрополитена и отстреливавшуюся с поразительной меткостью. Доктор двумя выстрелами уложил наповал двух констеблей из Скотланд-Ярда, а третьей пулей чуть не отправил на тот свет меня. – Фандорин приподнял прядь черных волос со лба, и стало видно шрам, прочертивший узкую белую полосу на его виске. – Ерунда, скользнуло по касательной, но я на минуту лишился сознания, и за это время Линд оторвался от погони... Я шел за ним по пятам из страны в страну, и всё время чуть-чуть опаздывал. А в Риме – это было без малого полгода назад, доктор как в воду канул. Лишь две недели тому я узнал из одного верного источника, что знаменитый варшавский бандит Близна похвастался в тесной компании, будто сам доктор Линд приглашает его в Москву для какого-то очень крупного дела. Будучи российским подданным.

Пендерецкий хорошо знал преступный мир Москвы – и хитровский, и сухаревский. Должно быть, именно в этом качестве он и понадобился Линду, никогда раньше в России не действовавшему. Я все ломал себе голову, чем это доктора привлекла патриархальная Москва. Теперь-то ясно...

– Исключено, совершенно исключено! – сердито произнес Симеон Александрович, обращаясь не к Фандорину, а к его величеству. – Мои хитрованцы и сухаревцы никогда не приняли бы участия в злодейском

нападении на царскую фамилию! Украсть, зарезать – сколько угодно. Но верность престолу у этих апашей в крови! Мой Ласовский не раз с успехом использовал уголовников для поимки террористов. К примеру, на время коронационных торжеств он заключил своего рода джентльменское соглашение с главарем всех хитрованских воров, неким Королем, что полиция не станет задерживать карманников, но взамен те должны немедленно доносить об оружии и прочих подозрительных предметах, обнаруженных в карманах публики. Король охотно согласился на это условие, заявив, что и сам в некотором роде является самодержцем, а монархи должны помогать друг другу. Не поручусь, что именно в этих словах, но смысл их был именно таков.

Это сообщение несколько разрядило мрачное настроение собравшихся, а поощренный улыбками Симеон Александрович с лукавым видом еще и добавил:

– Свое обещание хитрованское величество скрепил формулой: «Сявкой буду». Ласовский говорит, что это самая убедительная бандитская клятва.

– Как-как? – заинтересовался государь. – «Сявкой буду?» Сявка – это беспородная собака, да? Расскажу Алисе, ей понравится.

– Ники, Сэм, – сурово молвил Кирилл Александрович, – давайте-ка дослушаем господина Фандорина.

– Король – не единственный из хитрованских предводителей и уж во всяком случае никак не с-самодержец. – Хоть Эраст Петрович и отвечал на реплику генерал-губернатора, но тоже смотрел не на него, а на императора. – Поговаривают даже, что дни Короля сочтены, что не сегодня-завтра его «распишут», то есть умертвят так называемые «отвязки» – молодые, нахрапистые бандиты, которые начинают задавать тон на Хитровке и Сухаревском рынке. Есть банда Ранета, промышляющего новым делом – торговлей опиумом, есть некий Хрящ – этот п-профилируется по «мокрым» и вымогательству, появился еще некий Культя, у которого в банде конспирация и дисциплина почище, чем в неаполитанской Каморре.

– Культя? – удивленно переспросил император. – Какое странное имя.

– Да. К-колоритный персонаж. У него ампутирована правая кисть, и культя заканчивается пластиной, куда, в зависимости от надобности, он ввинчивает то

ложку, то крюк, то нож, то цепочку с железным яблоком на конце. Говорят, страшное оружие, бьет насмерть. «Отвязки», ваше величество, вообще крови не боятся, воровских законов не признают, и Король им не указ. Полагаю, что Пендерецкий связан с кем-нибудь из них. Я следил за Меченым и его людьми с самой Варшавы, но очень осторожно, чтобы не спугнуть. Он дважды побывал на Хитровке в кабаке «Зерентуй», а кабак этот известен тем, что магара Королю не платит. Я всё надеялся, что Меченый выведет меня на доктора, но тщетно. За десять дней, что варшавяне провели в Москве, Пендерецкий каждый день наведывался на почтамт, в окошко «Корреспонденция до востребования», много вертелся вокруг Александрийского дворца и Нескучного сада. По меньшей мере четырежды перелезал через ограду и бродил по парку вокруг Эрмитажа. Как я понимаю теперь – присматривал удобное место для засады. Вчера с полудня он и его молодцы торчали возле выезда из сада на Большую Калужскую, рядом дожидалась карета. В седьмом часу из ворот выехал экипаж с великокняжеским гербом, и варшавяне п-пристроились сзади. Я понял, что дело близится к развязке. Мы с моим помощником на двух извозчиках следовали сзади. Потом из великокняжеского экипажа вышли две дамы, мальчик и человек в зеленом камзоле. – Фандорин взглянул в мою сторону. – Пендерецкий, успевший нацепить фальшивую бороду, так что я его не сразу и узнал, пошел за ними. Карета с остальными бандитами тихонько ехала сзади. Тогда мы с помощником зашли с д-другой стороны, и я пошел навстречу гуляющим. Все высматривал, не появится ли Линд...

Эраст Петрович сокрушенно вздохнул.

– Как я мог так п-просчитаться! В голову не пришло, что карет не одна, а две. Ну, конечно. Линд приготовил две кареты, потому что собирался похитить и девушку, и мальчика, а потом развезти их по отдельным тайникам. Потому-то Меченый и схватил только великую княжну. Для великого князя была предназначена вторая карета. Наверняка и Линд был там, что меня особенно бесит. Гувернантка невольно облегчила похитителям задачу, отнеся ребенка именно туда, где пряталась в з-засаде вторая группа похитителей. Их план удался только наполовину, но это мало что меняет. Линд все равно взял Россию за горло...

При этих словах его величество с видом крайнего беспокойства заозирался по сторонам, зачем-то оглядывая углы гостиной. Я сделал маленький шаг вперед, пытаюсь угадать желание императора, но не хватило соображения.

– Скажите, дядя Джорджи, где у вас тут икона? – спросил монарх.

Георгий Александрович недоуменно взглянул на племянника и пожал плечами.

– Ах, Ники, ради бога! – поморщился Кирилл Александрович. – Только без «помазанника Божия». Тебя, кстати, еще и не помазали. А если коронация будет сорвана, то и не помажут.

Его величество ответил на это с видом глубокой убежденности:

– Я не вижу, что тут может помочь кроме молитвы. Всё в руке Всевышнего. Если Он решил устроить мне, слабому и недостойному, такое испытание, значит, в этом есть некий великий смысл. Надо довериться Его воле, и Он даст избавление.

Я вспомнил, что видел в кабинете его высочества какой-то закопченный образок с потемневшей от старости лампадкой. Неслышно ступая, отлучился на минутку и понес государю икону – только предварительно протер салфеткой.

Пока император с искренним чувством и даже со слезами на глазах произносил слова молитвы, великие князья терпеливо ждали, только Симеон Александрович, позевывая, полировал бархоточкой и без того безупречные ногти.

– Мы можем продолжать, Ники? – бесстрастно спросил Кирилл Александрович, когда государь, в последний раз перекрестившись, вернул мне образ. – Итак, подведем скорбные итоги. Мика похищен жестоким и хитроумным преступником, который угрожает не только умертвить мальчика, но и сорвать всю коронацию. Что здесь можно сделать помимо упований на помощь Всевышнего?

Карнович, приподнявшись, прошелестел из своего угла:

– Найти его высочество и вызволить из плена.

– Прекрасно, – обернулся к нему Кирилл Александрович и язвительно кивнул. – Ищите, полковник. Господин Линд дал нам срок до полудня. В вашем распоряжении целых полтора часа.

Начальник дворцовой полиции снова опустил на стул.

Здесь впервые за все время заговорил Павел Георгиевич. С искаженным, еще не просохшим от слез лицом он сказал дрожащим голосом:

– А может быть, отдать? Ведь Мика – живой, а «Орлов» в конце концов – всего лишь камень...

Вечные противники Кирилл Александрович и Симеон Александрович воскликнули хором:

– Нет!

– Ни за что!

Государь с состраданием взглянул на кузена и мягко сказал:

– И потом, Полли, господин Фандорин весьма убедительно пояснил, что передача алмаза нашего Мику все равно не спасет...

Павел Георгиевич всхлипнул и некрасиво, рукавом, вытер щеку.

– Выйди, Полли, – строго проговорил отец. – Жди у себя в комнате. Мне стыдно за тебя.

Порывисто вскочив, Павел Георгиевич выбежал за дверь. Я и сам с трудом удерживал невозмутимое выражение лица, хотя на меня, конечно, никто и не думал смотреть.

Бедный Павел Георгиевич, бремя августейшей ответственности давалось ему нелегко. В воспитании великих князей и княжон на первом месте стоит выработка самоконтроля и выдержки, умения владеть собой в любых обстоятельствах. С раннего детства их высочеств приучают сидеть на длинных и утомительных парадных обедах, причем нарочно сажают рядом с самыми неумными и несносными гостями. Нужно внимательно слушать, что говорят

взрослые, не подавать виду, что их общество скучно или неприятно, смеяться их шуткам, и чем глупее острота, тем искренней должен быть смех. А чего стоит христосование на Пасху с офицерами и нижними чинами подшефных полков. Иной раз приходится совершить лобзание более тысячи раз в течение двух часов! И не дай бог выказать усталость или отвращение. Но Павел Георгиевич всегда был таким живым и непосредственным мальчиком, ему плохо давались упражнения на выдержку, да и теперь, хоть его высочество и достиг совершеннолетия, ему еще многому следовало научиться.

После того, как за великим князем хлопнула дверь, воцарилось долгое, мрачное молчание. Все вздрогнули, когда часы пробили одиннадцать без четверти.

– Однако если «Орлова» не отдать, – востропел его величество, – этот Линд убьет Мику, и завтра подкинет тело на Красную площадь или к Храму Христа Спасителя. Это выставит меня, русского царя, на позор перед всем цивилизованным миром!

– А с тобой и весь дом Романовых, – заметил Симеон Александрович.

Кирилл Александрович хмуро прибавил:

– И всю Россию.

– Бог свидетель, – горестно вздохнул государь, – я никогда не желал короны, но таков уж, видно, мой крест. Недаром я появился на свет в день Иова Многострадального. Господи, научи, вразуми, что делать?

За Господа ответил Фандорин, отчетливо произнесший одно-единственное слово:

– П-прокат.

– Что? – удивленно приподнял брови его величество.

Мне тоже показалось, что я недослышал.

– Нужно взять «Орлова» у Линда напрокат до окончания к-коронации.

Симеон Александрович покачал головой:

– Он бредит!

Старший же из великих князей сосредоточенно прищурился, силясь вникнуть в смысл дикого предложения. Не вник и спросил:

– Как так «напрокат»?

Фандорин хладнокровно пояснил:

– Нужно сообщить Линду, что его условие принято, однако до коронации по понятным причинам исполнено быть не может. Посему за каждый день задержки доктор будет получать некую сумму, весьма значительную – мы как бы возьмем у него «Орлова» напрокат. До коронации ведь еще неделя?

– Но что нам это даст? – схватился за пышный ус Георгий Александрович.

– Как что, Джорджи, – время! – воскликнул Кирилл Александрович. – Целую неделю времени!

– И вероятность спасения ребенка, – добавил Фандорин. – Наше условие будет такое: взносы передаются ежедневно, и при каждой передаче мы должны иметь несомненное доказательство того, что мальчик жив. Это семь лишних д-дней жизни для его высочества. И семь шансов зацепить ниточку, которая выведет нас к доктору. Как бы ни был хитер Линд, он может допустить ошибку. Я буду начеку.

Георгий Александрович вскочил, выпрямившись во весь свой немалый рост.

– Да, теперь я вижу, что это отличная мысль!

Идея и в самом деле выглядела весьма удачной – даже Симеон Александрович не нашелся, что против нее возразить.

– А в посредники я определю самого толкового из своих агентов, – предложил Карнович.

– У меня в Охранном есть настоящие львы, – немедленно вскинулся московский генерал-губернатор. – И отлично знают город, не то что ваши царскосельские шаркуны.

– П-полагаю, будет лучше, если в роли посредника выступлю я, – тихо проговорил Эраст Петрович. – Разумеется, в каком-нибудь маскараде. Я хорошо знаю и Москву, и повадки Линда.

Кирилл Александрович положил конец спору, твердо заявив:

– Это мы решим после. Главное, что у нас появился хоть какой-то план действий. Ники, ты его тоже одобряешь?

Вопрос был задан явно для формы, ибо не бывало случая, чтобы его величество возражал против чего-то, одобренного старшим из своих дядьев.

– Да-да, дядя Кир, целиком и полностью.

– Отлично. Полковник, садитесь, берите шифр и составляйте послание... – Его высочество, заложив руки за спину, прошелся по гостиной. – «Согласны. Нужна отсрочка в семь дней. За каждый день готовы выплачивать по сто... нет, по двести тысяч рублей. Передача порциями, ежедневно, в любом месте и в любое время, но с непременным предъявлением пленника». Ну как? – спросил он, причем не у своих августейших родственников, а у Фандорина.

– Неплохо, – предезко ответил тот командующему императорской гвардией. – Но я бы п-прибавил: «Иначе сделка не состоится». Линд должен понять, что мы признаем его карту сильной и готовы заплатить дорогую цену, но вить из себя веревки не дадим.

* * *

Высокие гости не разъехались и после принятия трудного решения, ибо Фандорин высказал твердое убеждение, что ответ от Линда последует в самом

скором времени: такими же световыми сигналами, телеграфом (в Александрийском дворце имелся аппарат), телефонным звонком или каким-нибудь совершенно необычным способом. Эраст Петрович сказал, что однажды в подобных обстоятельствах послание от доктора влетело в окно вместе со стрелой, пущенной с большого расстояния.

Подумать только – самодержец всероссийский, генерал-адмирал флота, командующий гвардией и московский генерал-губернатор терпеливо ожидали, когда им соблаговолит ответить какой-то проходимец! Уверен, что ничего подобного в русской истории не происходило со времен тильзитских переговоров с Корсиканцем, но Бонапарт по крайней мере был император.

Чтобы не терять времени даром, великие князья стали инструктировать высочайшего племянника по части приема иноземных послов и августейших особ, прибывающих на торжества. Именно в этих встречах и состоит главный политический смысл коронации, ибо под видом протокольных аудиенций нередко решаются многие деликатнейшие вопросы межгосударственных отношений, делаются ответственные дипломатические демарши, составляются новые альянсы.

Безусловно, его величество был еще слишком неопытен в подобных тонкостях и нуждался в наставлении. Не говоря уж о том, что покойный государь, бывший не очень высокого мнения об умственных способностях цесаревича, не считал нужным посвящать его в секреты высшей дипломатии. К примеру, новый император лишь после вступления на престол, да и то не сразу, узнал, что направление русской внешней политики тайным образом повернулось в совершенно противоположную сторону: хотя по видимости мы остаемся другом его величества кайзера, нами заключен негласный оборонительный союз со злейшим врагом германцев Францией. И это был далеко не единственный сюрприз для молодого наследника.

Инструктаж носил весьма щекотливый характер, и я, убедившись, что на столе есть все необходимое, счел за благо удалиться. Щекотливость состояла не столько даже в секретности сведений, сколько в сугубо родственном тоне, который приняла беседа. Дело в том, что его императорское величество не очень быстро усваивал сказанное, и августейшие дядья стали терять терпение, иногда употребляя в адрес племянника выражения, возможно, допустимые между близкими родственниками, но немыслимые в присутствии слуг.

Что ж, у меня были собственные гости, хоть и менее именитые, но несравненно более взыскательные. Устроив господина Фандорина, полковника Карновича и князя Глинского в большой гостиной, где мой помощник Сомов подал им кофе и сигары, я отправился в лакейскую, маленькую уютную комнатку на первом этаже, расположенную по соседству с кухней. Там пили чай дворецкий генерал-губернатора Фома Аникеевич, дворецкий старшего из великих князей Лука Емельянович, камердинер его величества Дормидонт Селезнев и фандоринский японец Маса. Я попросил мадемуазель Деклик время от времени заглядывать к моим гостям, чтобы они не чувствовали себя покинутыми – и еще для того, чтобы чем-нибудь занять бедную женщину, раздавленную обрушившимся на нее несчастьем. Отлично знаю по собственному опыту, что в минуту тяжелых нравственных страданий нет лучшего средства, чем исполнение светских обязанностей. Помогает держать себя в руках.

Войдя в лакейскую, я обнаружил там кроме бледной, но по видимости совершенно спокойной гувернантки, еще и мистера Фрейби, сидевшего чуть поодаль от всей компании с неизменной книжкой в руках. Впрочем, удивляться тут было нечему. На улице шел дождь, английские джентльмены отправились на свой вынужденный променад, и мистеру Фрейби, должно быть, прискучило сидеть у себя в комнате. Всякому дворецкому известно, что лакейская – это нечто вроде гостиной или, выражаясь на британский манер, клуба для старшей прислуги.

В первый миг присутствие англичанина меня расстроило, поскольку я намеревался провести с моими гостями собственный тайный совет, однако сразу же вслед за тем я вспомнил, что мистер Фрейби не понимает по-русски ни единого слова. Что ж, пусть сидит читает.

Обслуживал нас новый лакей Липпс, в опытности и вышколенности которого я уже имел возможность убедиться. Он и сам превосходно понимал, какому важному экзамену сейчас подвергается, и делал всё безукоризненно – я следил за ним со всей возможной придирчивостью, но никаких оплошностей не заметил. Я велел Липпсу находиться за дверью, ибо разговор для его ушей не предназначался, и когда нужно было что-то принести или убрать, звонил в колокольчик. Чухонец быстро, но без спешки – то есть именно так, как положено – исполнял требуемое, и снова исчезал за дверью.

Более строгих и понимающих ценителей лакейского искусства, чем мои гости, верно, было не сыскать во всем белом свете. В особенности это касалось

почтенного Фомы Аникеевича.

Следует пояснить, что у нас, слуг, своя иерархия, зависящая отнюдь не от статуса наших господ, а исключительно от опыта и достоинств каждого. И по этой иерархии главным из нас вне всякого сомнения являлся Фома Аникеевич, дворецкий его высочества Симеона Александровича, самого младшего из августейших дядьев. С Лукой Емельяновичем мы были примерно на равных, а вот Дормидонт, царский камердинер, при всем блеске занимаемой им должности почитался в нашем кругу еще подмастерьем. Он и сам знал свое место, сидел скромно, не откидываясь на спинку стула, старался поменьше говорить и побольше слушать. Общее мнение на его счет было такое: способный, наблюдательный, умеет учиться и далеко пойдет. Из хорошей дворцовой семьи, да оно и по имени-отчеству видно – Дормидонт Кузьмич. Все наши, из природных слугителей, получают при крещении самые простые, старинные имена, чтоб в мире был свой порядок и всякое человеческое существо имело прозвание согласно своему назначению. А то что за лакей или официант, если его зовут каким-нибудь Всеволодом Аполлоновичем или Евгением Викторовичем? Один смех да путаница.

За полтора года нового царствования Дормидонт изрядно вырос в мнении дворцовых знатоков. Чего стоит хотя бы тот случай в Ливадии, сразу после кончины прежнего государя, когда новый император, пребывая в расстроенных чувствах, едва не вышел к соболезнующим в погонах и без черного банта. Селезнев поймал его величество за локоть, когда уже распахнулись двери, и в пять секунд поменял погоны на эполеты, да еще успел прикрепить к аксельбанту траурный креп. То-то был бы конфуз!

Но, конечно, до таких орлов, как Фома Аникеевич или покойный Прокоп Свиридович ему еще далековато. Фоме Аникеевичу выпал тяжелый крест – состоять при такой особе, как Симеон Александрович. Одно слово – не позавидуешь. Сколько раз Фома Аникеевич уберегал его высочество от стыда и срама! Если у генерал-губернаторской власти в Москве еще сохраняется хоть какой-то авторитет, то лишь благодаря великой княгине Елизавете Феодоровне да дворецкому.

А про Прокопа Свиридовича, служившего камердинером при Александре Освободителе, в нашем кругу рассказывают легенды.

Один раз в балканскую кампанию, аккурат во время третьей Плевны, шальная турецкая граната упала прямо перед государем, который как раз изволил полдничать. Прокоп Свиридович, как полагается, стоял рядышком, держал поднос. На подносе чашка бульону, булочка и салфетка.

А тут откуда ни возьмись огненный шар! Упал в малую, поросшую травой ямку – шипит там, прыгает, дымом плюется, сейчас шарахнет. Вся свита вокруг так и замерла, один только камердинер не растерялся: не уронив подноса, сделал два мелких шажка к ямке и бульоном на гранату! Фитиль-то и погас. Тут самое примечательное, что его величество, увлеченный закуской, этого маленького происшествия вовсе не заметил и только удивился, что в поданной чашке так мало бульону. Комиссарову за то, что пистолет цареубийцы Каракозова отвел, было дворянское звание пожаловано, а Прокопу Свиридовичу – как говорят в народе, кукиш с хреном, потому что никто из свидетелей, дежурных генералов и флигель-адъютантов, ничего царю не объяснил. Устыдились, что камердинер решительнее и смелее их оказался, а сам Прокоп Свиридович был не таков, чтоб заслугами хвастать.

Но еще большую отвагу этот выдающийся служитель проявил на ином фронте, интимном. Можно сказать, сохранил мир и спокойствие в августейшей семье. Однажды в день ангела императрицы его величество совершил оплошность – вынимая из кармана подарок, кольцо с большим сапфиром в виде сердечка и инициалами государыни, выронил на пол другое, точно такое же, только с инициалами княгини Тверской.

– Что это, Сэнди? – спросила императрица, близоруко прищурившись на покотившийся по ковру маленький кружок, и потянула из сумочки лорнет.

Государь весь обмер и не нашелся, что ответить. А Прокоп Свиридович, быстро нагнувшись, поднял кольцо и моментально проглотил. Сначала сглотнул, а потом уж почтительнейше пояснил:

– Виноват, ваше императорское величество, это у меня медицинская лепешка от катара выпала. Очень что-то желудком маюсь.

Вот какой это был человек – ему после сам Пирогов из живота кольцо вырезал.

Именно пример Прокопа Свиридовича вдохновил меня, когда в прошлом году я, смею думать, неплохо выручил Георгия Александровича из почти такой же деликатной коллизии, возникшей с письмом балерины Снежневской. Слава богу, бумага не сапфир, так что обошлось без хирургического вмешательства.

Когда я присоединился к почтенному собранию, разговор шел о грядущих торжествах. Дормидонт, явно волнуясь, что и понятно – нечасто ему доводилось говорить в таком обществе – рассказывал интересное про государя. Фома Аникеевич и Лука Емельянович благосклонно слушали. Японец, надувая щеки и пуча свои раскосые глазки, пил чай из блюдца. Мадемуазель учтиво кивала, но по глазам было видно, что мысли ее далеко отсюда (кажется, я уже поминал, что при всей выдержанности она не очень-то властна над своим взглядом). Мистер Фрейби уютно пыхтел трубкой и перелистывал страницы книжки.

– ...Характер закаляют, – говорил Дормидонт в том миг, когда я вошел в лакейскую. Увидел меня, почтительно приподнялся и продолжил. – Сами очень суеверны, но хотят во что бы то ни стало судьбу перебороть. Нарочно приезд в Москву на несчастливый день назначили, Иова Многострадального, а переезд из-за города в Кремль – на тринадцатое число, хотя можно бы и раньше. По-моему, зря это, к чему судьбу-то искушать. Вот вам Иов вчерашний – сами видите, чем он обернулся. – И красноречиво посмотрел в мою сторону, видимо, полагая неуместным более подробно высказываться по поводу беды, постигшей Зеленый двор.

– Что вы на это скажете, Лука Емельянович? – спросил Фома Аникеевич.

Дворецкий Кирилла Александровича, человек степенный и обстоятельный, немного подумал и сказал:

– Что ж, укрепление воли для монарха – дело неплохое. Его величеству не помешало бы иметь характер покрепче.

– Вы про это так думаете? – покачал головой Фома Аникеевич. – А по-моему, нехорошо это. Править, как и жить, надобно легко и радостно, судьба таких любит. А кто сам на себя беду накликает, к тому она тучей валит. У нас и без того государство не очень-то веселое, а если еще и государь этак каркать станет... Опять же и ее величество тоже ведь характером тяжелы и нерадостны.

Вот войдет царь в возраст и силу, станет править сам, и министров себе таких же мрачных и неудачливых подберет. Известно – каков царь, таков и псарь.

Меня поразило не то, что Фома Аникеевич так свободно рассуждает о его величестве (это в нашем кругу меж своими заведено и для дела полезно), а то, что он ничуть не сторожится чужого человека – японца. Очевидно, в мое отсутствие фандоринский слуга успел чем-то заслужить особенное доверие Фомы Аникеевича. Он человек проницательный, людей видит насквозь и отлично знает, при ком что можно говорить, а что нельзя.

По гладкой, бесстрастной физиономии азиата было неясно, понимает ли он, о чем идет речь, или же просто надувается чаем.

– А что об этом думаете вы, Афанасий Степанович? – обернулся Фома Аникеевич ко мне, и по его вопросительному взгляду я понял, что вопрос задан совсем в ином смысле: считаю ли я возможным обсуждать главное или же предпочту ограничиться беседой на отвлеченный предмет.

– Поживем – увидим, – ответил я, садясь и звоня в колокольчик, чтобы Липпс налил и мне чаю. – В истории бывало, что весьма слабовольные наследники со временем проявляли себя самым достойным образом. Взять хотя бы Александра Благословенного или того же Франца-Иосифа.

Говорил одно, а думал про другое: вправе ли я говорить о принятом наверху решении?

Японец так или иначе узнает от своего хозяина. Мадемуазель в неведении тоже держать нельзя – это было бы слишком жестоко. Фома Аникеевич и Лука Емельянович могут дать дельный совет. Неловкость создавало только присутствие мистера Фрейби.

Почувствовав мой взгляд, британец, оторвал глаза от книги и пробурчал что-то неразборчивое – трубка закачалась вверх-вниз.

– Я всё знаю, – перевела мадемуазель на русский, произнося вместо «всё» «всио». – Милохд хассказал.

Батлер снова уткнулся в книгу, давая понять, что на него можно не обращать внимания.

Что ж, значит, и в Англии у господ от дворецких секретов нет. Тем лучше.

Я коротко рассказал своим товарищам о письме, о зловещем докторе и о решении, принятом на тайном совете. Слушали меня молча. Только когда я сказал о том, что доктор Линд своих пленников живыми не возвращает, мадемуазель не сдержавшись ахнула и сжала над столом крепкие кулачки. Чтобы помочь ей справиться с понятным волнением, я сделал небольшое отступление, поведав о чудесной выдержанности, проявленной Георгием Александровичем. Но отклик мадемуазель (как это, впрочем, часто бывало) меня удивил.

– У Георгий Александрович шестеро сыновья от ее высочество и еще два от маленькой балехины. Если бы доктор Линд похищал единственная дочь его высочество – о, он вел бы себя совсем не так.

Я, признаться был эпатирован – и самим суждением (возможно, не лишенным справедливости, потому что любимицей Георгия Александровича и в самом деле являлась Ксения Георгиевна), и нетактичным упоминанием о госпоже Снежневской.

Фома Аникеевич повернул разговор и тем смягчил неловкость:

– Не можем ли мы, слуги, со своей стороны что-либо сделать?

Вот что значит истинный дворецкий – в нескольких скупых словах сразу отмел шелуху и обозначил главное. Все-таки все мы перед ним сущие карлики.

– Извините, Афанасий Степанович, что я говорю это, – с всегдашней своей учтивостью продолжил Фома Аникеевич, – однако речь идет не только о жизни Михаила Георгиевича, но и о материях еще более значительных – судьбе монархии и самое российской государственности. При всех наших внутренних потрясениях, разбродах и шатаниях, при явной слабости и неопытности государя – еще и такой удар, да на глазах у общества и всего мира. Здесь можно ожидать каких угодно последствий. Мы, слуги дома Романовых, не должны этого допустить.

Японец бухнул блюдцем о стол, и так стремительно наклонился лбом к скатерти, что я испугался – не апоплексия ли. Нет, оказалось, что это такой поклон. Склонив круглую голову к самой скатерти, азиат с чувством обратился к Фоме Аникеевичу:

– Это срова истинного самурая. Фома-сэнсэй, вы брагародный черовек.

«Самурай» – это такой японский рыцарь, я читал. Что означало слово «сэнсэй», мне было неизвестно. Надо полагать, какое-нибудь почтительное восточное обращение навроде *cher maotre*.

Фома Аникеевич ответил вежливым поклоном, и японец распрявился.

– Нада памагачь маему гаспадзину, – заявил он на своем диковинном, но вполне понятном русском. – Мой гаспадзин одзин модзет спасчи маренького одзи и чесчь империи.

– Я много слышал об Эрасте Петровиче, господин Маса, – сказал Фома Аникеевич. – Кажется, во времена губернаторства князя Долгорукого он совершил здесь, в Москве, немало выдающихся деяний?

Я не знал, что Фома Аникеевич осведомлен о Фандорине, но ничуть этому не удивился.

Японец же солидно произнес:

– Да, отень-отень много. Но это невадзьно. Вадзьно, сьто мой гаспадзин не будзет жичь, есри живет докутор Ринд.

Сказано было не вполне складно, но смысл я понял.

Мадемуазель спросила с совсем иным акцентом, гораздо более приятным для слуха:

– Но что он может сдьелать, ваш господин?

– Всё, – отрезал Маса. – Господзин модзет сдерачь всё. Докутор Ринд жичь не будзет.

Фома Аникеевич вздохнул, что, очевидно, означало: вашими бы устами да мед пить.

– Сударыня, господа. Я предлагаю следующее...

Сразу стало тихо, и даже мистер Фрейби оторвался от книги, с интересом глядя на Фому Аникеевича поверх очков.

– Наши господа, к сожалению, в неважных отношениях между собой. Это может помешать делу. Давайте договоримся, что хоть мы, слуги, будем заодно. Станем предупреждать друг друга и уберегать его величество и их высочества от ошибок. Насколько это в наших силах.

Так и было сказано – просто и мудро.

Тут в лакейскую просунул голову мой помощник Сомов и, приложив руку к груди, извинился:

– Афанасий Степанович, господа, прошу прощения, но мадемуазель Деклик просят к ее высочеству.

И тут же с поклоном удалился.

– Ах да, месье Зьюкин, – оборотилась ко мне гувернантка. – Бедняжка Ксения ничего не знает. Что я могу ей сказать?

– Не следует говорить ее императорскому высочеству про угрозы Линда, – сурово сказал я, несколько покоробленный фамильярностью в отношении Ксении Георгиевны. – Просто скажите ее императорскому высочеству, что похитители требуют выкуп и что выкуп будет заплачен.

По-моему, она вышла должным образом пристыженная.

Уже через минуту я пожалел об отсутствии мадемуазель, потому что мистер Фрейби вдруг разверз уста и произнес какое-то короткое слово.

– Что вы изволили сказать? – переспросил Фома Аникеевич.

– Он сказар «сьпион», – перевел Маса, который, оказывается, понимал по-английски.

– В каком смысле «шпион»? – не сообразил я.

Британец с надеждой посмотрел на Фому Аникеевича, и тот вдруг озабоченно нахмурился.

– Господин Фрейби совершенно прав. Здесь не обошлось без шпиона. Похитители были слишком хорошо осведомлены о ваших вчерашних перемещениях. Не хочу вас расстраивать, Афанасий Степанович, но очень вероятно, в вашем штате – лазутчик доктора Линда. Вы можете поручиться за свою прислугу?

Я почувствовал, что бледнею.

– Вовсе нет. За петербургских я ручаюсь. Все кроме Липпса – того, что нам прислуживает – из старых и проверенных. Но у меня здесь еще временный штат из девяти человек, да приходящие. Местных я не знаю совсем, ими распоряжается Сомов.

– Значит, требуется сугубая осторожность, – веско произнес Лука Емельянович.

А Фома Аникеевич сказал англичанину:

– Благодарю вас, мистер Фрейби, за дельное замечание.

Тот непонимающе пожал плечами, и я вспомнил, что у меня в кармане имеется дареный лексикон.

«Благодарить» по-английски было «тэнк». «Вас» еще проще – «ю».

Я так и сказал:

– Тэнк ю, мистер Фрейби.

Он кивнул и снова уткнулся в своего Trollope (я посмотрел в библиотеке – это такой английский романист).

Мы еще некоторое время обсуждали между собой способы, при помощи которых сможем конфиденциальным образом сноситься друг с другом, а потом совещание было прервано – снова в дверь просунулся Сомов, и по выражению его лица я понял: случилось что-то особенное.

Извинившись, вышел в коридор.

– Вот, – почему-то шепотом произнес Сомов, протягивая мне какой-то белый конверт. – Нашли. Швейцар подобрал. Откуда взялось, неизвестно.

Я взял конверт и прочел написанные карандашом печатные буквы:

AVEC LES COMPLIMENTS DE DR. LIND[12 - С приветом от д-ра Линда (фр.)]

Лишь невероятным усилием воли я сохранил внешнюю невозмутимость.

– Где нашли?

– На крыльце, перед самыми дверьми. Швейцар вышел посмотреть, не кончился ли дождик, а оно лежит.

Значит, могли подбросить и снаружи, подумал я. Перелезли через ограду и подкинули, очень просто. От этого стало легче. Но совсем чуть-чуть.

Открывать конверт я, конечно, не стал, хотя он был не заклеен – скорее понес в бельэтаж. Если бы Сомов не смотрел мне вслед, то и побежал бы.

У дверей малой гостиной, прежде чем войти, остановился и прислушался. Я делаю так всегда, и вовсе не для того, чтобы подслушивать, а чтобы не помешать своим стуком чему-нибудь важному или интимному.

Изнутри донесся густой, сердитый голос Кирилла Александровича:

– Ники, ну нельзя же быть таким болваном! Во время аудиенции Ли-Хун-Чжану про концессии ничего говорить не нужно! Ни в коем случае! Ты все испортишь!

Я поневоле покачал головой, подумав, что долго так продолжаться не может. Государь вовсе не так безволен, как кажется их высочествам. И злопамятен.

Громко постучал, передал послание и тут же вышел обратно в коридор.

Ждать пришлось не более пяти минут. Выглянул Георгий Александрович и поманил меня пальцем. Его взгляд показался мне каким-то странным.

Точно так же смотрели на меня государь и остальные великие князья – будто видели меня в первый раз или, скажем, впервые заметили, что на свете существует человек по имени Афанасий Степанович Зюкин. Очень мне это не понравилось.

– Ты ведь знаешь по-французски? – спросил Кирилл Александрович. – На-ка, почитай.

Я не без трепета взял развернутый листок, прочел:

Условия приняты, но плата за каждый день отсрочки – миллион. Завтра в три пополудни ваш посредник один, в открытой коляске, должен следовать по Садовому кольцу от Калужской площади в сторону Житной улицы. Деньги должны быть в чемодане, казначейскими билетами по двадцать пять рублей. При малейших признаках нечестной игры с вашей стороны я считаю себя свободным от каких-либо обязательств и верну вам принца – как и обещал, частями.

И последнее. Посредником должен быть тот слуга, что был в саду: с бородавкой на щеке и собачьими бакенбардами.

Искренне ваш,

Доктор Линд.

Первым чувством, которое я испытал, была обида. *Favoris de chien*[13 - Собачьи бакенбарды (фр.)]? Это он так про мои ухоженные бакенбарды?!

Лишь потом до меня дошел весь пугающий смысл послания.

8 мая

После долгих перезвонов между Петровским дворцом, генерал-губернаторской резиденцией и Эрмитажем руководить операцией было поручено полковнику Карновичу. Московский обер-полицмейстер получил распоряжение оказывать всемерное содействие, а Фандорину досталась не совсем понятная роль советника, да и то лишь по настоятельному требованию Георгия Александровича, после спасения дочери свято уверовавшего в необыкновенные качества отставного чиновника особых поручений.

Про Карновича мне, как и всем прочим, известно было совсем немного, потому что у подножия трона этот загадочный человек очутился совсем недавно. Ни по возрасту, ни по чину, ни по связям состоять на такой ответственной, даже можно сказать, ключевой должности ему не полагалось бы, тем более что до сего высокого назначения Карнович исполнял скромную должность начальника одного из губернских жандармских управлений. Однако после громкого раскрытия анархистской террористической организации про молодого полковника заговорили как про восходящую звезду политического сыска, и вскоре этот тихий, неприметный господин, вечно прячущий глаза за синими очками, уже заведывал охраной его величества – взлет поистине редкостный и не снискавший Карновичу расположения придворных. Хотя кто ж из начальников дворцовой полиции, по роду службы чересчур осведомленных о слабостях и тайнах близких к престолу особ, когда-либо пользовался симпатиями двора?

Такая уж это должность.

Зато обер-полицмейстер Ласовский слыл в обеих столицах фигурой известной и почти легендарной. Петербургские газеты (московские-то не осмеливались) любили описывать чудачества и самодурства этого новоявленного Архарова: и его разъезды по улицам в знаменитой полицмейстерской упряжке с лучшими во всем городе лошадьми, и особое увлечение пожарной службой, и сугубую строгость к дворникам, и прославленные приказы, ежедневно печатаемые в «Ведомостях московской городской полиции». Да я и сам утром прочел в этой занимательной газете, на первой же странице, приказ следующего содержания:

При проезде 7 мая мною замечено: по Воскресенской площади против Большой Московской гостиницы ощущалось зловоние от протухших селедок, не убранных дворниками; в 5 часов 45 минут утра стоявшие у Триумфальных ворот два ночных сторожа вели праздные разговоры; в 1 час 20 минут пополудни на углу Большой Тверской-Ямской и площади Триумфальных ворот не было на посту городского; в 10 часов вечера на углу Тверской улицы и Воскресенской площади городской взшел на тротуар и ругался с извозчиком.

Предписываю всех виновных городских, сторожей и дворников подвергнуть аресту и штрафованию.

Исправляющий должность московского обер-полицеймейстера полковник Ласовский

Конечно, входить в подобные мелочи начальнику полиции миллионного города не следовало бы, но некоторые из московских нововведений, на мой взгляд, не грех бы и у нас в Петербурге перенять. К примеру, тоже поставить городских на перекрестках, чтоб направляли движение экипажей, а то на Невском и набережных бывает истинное столпотворение – ни пройти, ни проехать. Неплохо бы также, по московскому обычаю, запретить извозчикам под страхом штрафа ругаться и ездить в немых колясках.

Но нрав у полковника Ласовского и в самом деле был крут и причудлив, в чем я имел возможность удостовериться во время инструктажа перед операцией.

Хоть главным моим наставником был Карнович, обер-полицмейстер постоянно встревал с собственными замечаниями и всем своим видом показывал, что истинный хозяин в первопрестольной – он, Ласовский, а не заезжий выскочка. Меж двумя полковниками то и дело вспыхивал спор по поводу того, следует ли арестовывать докторова посланца, который явится за деньгами, причем московский полковник решительно выступал за немедленный арест и клялся вытрясти из сукина сына душу со всеми потрохами, а царскосельский полковник не менее решительно высказывался за осторожность и напирал на угрозу для жизни Михаила Георгиевича. Фандорин находился здесь же, в гостиной, но в споре участия не принимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Добро пожаловать! (фр.)

2

Добро пожаловать! (нем.)

3

Мой английский коллега (фр.)

4

Незачем (фр.)

5

Красная Шапочка (фр.)

6

И она пошла через лес, чтобы навестить бабушку (фр.)

7

Не показывайте пальцем! (фр.)

8

Зачем тебе эта дрянь? (фр.)

9

Хочу, и всё! (фр.)

10

Унесите великого князя! (фр.)

11

Я иду! Иду! (фр.)

12

С приветом от д-ра Линда (фр.)

13

Собачьи бакенбарды (фр.)

Купить: <https://telnovel.com/ru/boris-akunin/koronaciya-ili-posledniy-iz-romanov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)